

ИМПЕРСКИЙ ДЕТЕКТИВ КРАЙОНОВ

Том I

ДРОН
РОДОВИЧ

Имперский детектив Крайонов

Арон Родович

**Имперский детектив
КРАЙОНОВ. ТОМ I**

«Автор»

2026

Родович А.

Имперский детектив КРАЙОНОВ. ТОМ I / А. Родович —
«Автор», 2026 — (Имперский детектив Крайонов)

Десять лет назад я умер в Москве — и очнулся в теле одиннадцатилетнего мальчишки в альтернативной Российской Империи XXI века. Мир знакомый: города, технологии, офисы, пробки. Но есть одно отличие — аристократы и их магия, встроенные в государственную систему. От прошлой жизни у меня остались память, аналитический склад ума и профессиональные привычки бывшего ФСБшника: умение читать людей, ловить микродвижения, чувствовать ложь и распутывать хаос. Новый мир подарил ещё и дар — способность считывать эмоции через прикосновение. Дар неприятный, но чертовски полезный. Сегодня я стою перед дверью своего первого офиса с вывеской «Детективное агентство Крайонов». Офис съёмный, мебели почти нет — одно новое кресло и куча Б/У. Но это не важно. Важно то, что здесь я наконец-то исполню мечту, которую не смог реализовать в прошлой жизни: стать частным детективом. Добро пожаловать в моё начало. Здесь магия переплетается с политикой, а правда всегда глубже, чем кажется.

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	49
Глава 9	54
Глава 10	59
Глава 11	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Имперский детектив КРАЙОНОВ. ТОМ I

Глава 1

«Купим волосы дорого».

И номер телефона.

И ещё один номер ниже.

Да где же я согрешил? Почему с утра? Почему со мной? И почему в первый день?

Я стоял и смотрел на свою вывеску – «Детективное агентство КРАЙОНОВ». Теперь она читалась как «РАЙОНОВ»: какой-то умник прилепил объявление ровно на букву «К». Из двух десятков табличек на кирпичной стене он выбрал именно мою. Прекрасно.

Надо было попробовать отодрать. Я потянул пальцем за угол – не оторвалось. Ещё раз – без толку. И тогда сработал дар. Снова не вовремя. Врезалось чужое состояние: усталость, раздражение, желание дождаться конца смены и уйти домой. Не злость и не издёвка а эмоции обычного человека, которому надоело начальство и бумажная беготня. Я поморщился и только тогда заметил: весь клей размазался по ладони. Ну, отлично.

Дар оказался инструментом полезным. Чувствовать эмоции, оставленные на вещах, в моем деле было то, что нужно. Будь у меня это раньше, я бы половину дел в прошлой жизни закрыл быстрее. Хотя и без него справлялся: подготовка для ФСБ учила смотреть правильно – жест, пауза, дыхание, как держат плечи и как «молчит» лицо. Поведение читалось проще, чем новостные каналы. Тогда я не успел открыть своё агентство – не дожил. Теперь был второй шанс. Новый мир, те же привычки. Только уже без приказов сверху.

Злость уходила, но осадок оставался. Хотел начать по-человечески, а в итоге – клей по локоть. И кому я здесь был нужен в первый день? Выпускник полицейской академии с табличкой на стене. Я посмотрел на пальцы – они блестели и липли друг к другу. Класс. Поднял взгляд. На кирпичном фасаде выдавшего виды здания были вывески: «Аптека», «Ремонтная мастерская», «Дом быта», а также мелких контор и моя табличка. И всё же объявление прилепили именно сюда. Карма.

Здание гордо называли «бизнес-центром». Стоило обернуться – и напротив был уже другой – настоящий: стекло, металл, отражения. Империя как она есть. Я открылся в Серпухове и жил тут же. От Москвы – чуть больше сотни километров, а картинка была другая. «За Москвой – темнота и волки воют», шутили раньше. Мы же стояли на волоске от того, чтобы перестать числиться столичной областью. Контраст через дорогу: бедные и богатые смотрели друг на друга сквозь витрины.

Хватит рефлексировать – надо отмывать руки. Сначала я пошёл к Серёге в «Ремонтную мастерскую»: вдруг у него есть средство, которое оторвёт эту дрянь. Я зашёл в здание. Запах старого дерева, сырости и тонкая нотка растворителя. За стеной что-то шуршало, отвёртка дребезжала, тихо постукивал молоток – у Серёги работа была всегда. Я прошёл три двери и вошёл.

– Здорово, Серёг, – сказал я.

Серёга поднял глаза от стола, отодвинул лупу, наморщив переносицу и тут же улыбнулся.

– О, Ромчик, привет. Чего хмурый такой? – спросил он.

– На мою табличку объявление прилепили. Прямо на букву.

– Видел, когда пришел, – кивнул он, усмехнувшись одним уголком губ. – Хотел зайти предложить средство. Клей снимет как миленький.

– Руки им можно? – показал я ладонь; пальцы были склеены и блестели.

Серёга сразу поджал губы и мотнул головой.

– Не стоит. Жечь будет, кожу добьёшь. На вывеску – да. А для рук вот это, – он вытащил из тумбы другой флакон и бумажную салфетку и поставил ближе, – мягче, но сушит. Крем потом не забудь.

– Выручил, спасибо, – сказал я.

– Пожалуйста, – усмехнулся он шире. – Спасибо, конечно, на хлеб не намажешь.

– Тогда угощу кофе, – предложил я.

– Если из аптечного кофе аппарата – пощади, – фыркнул он, машинально тронув грудной карман. – Один раз выпил – три дня изжога мучила. Тогда хватит и устного спасибо, и иди с миром.

– Не, возьму нормальный, через дорогу, из той модной кофейни, – ответил я.

Серёга одобрительно кивнул и большим пальцем показал «супер».

– Вот это разговор. Мне, как обычно, американо и два сахара. И скажи им, пусть на стакане что-нибудь смешное напишут – как я люблю.

– Договорились, – ответил я.

Серёге было около сорока-пяти. Спокойный голос, открытый взгляд, движения без суеты – верил ему сразу. Пенсионеры ходили к нему с мелочами; он брал по-человечески или вовсе ничего не брал. «Ремонтный Робин Гуд»: богатым и аристократам цену накручивал, старикам скидывал. Когда-то он был «мастер на все руки» в столице – и часы, и техника; не сложилось – переехал сюда.

Я вытер ладони его «мягким» средством. Серёга поставил рядом тюбик крема и постучал по нему ногтем.

– На, не забудь. Использовать строго по назначению, увлажнять только руки и ничего больше. А то я знаю вас, молодых. Вам только крема для рук давай. Пустые тюбики потом только и приносят, – зачитал как инструкцию и подмигнул Сергеа.

– Исключительно по делу, – усмехнулся я.

– Вот и славно. Заглянешь за тем, что на вывеску, после кофе.

– Забегу, – кивнул я и вышел.

Через мутное стекло видно было улицу. По узкой дороге, не снижая, проехала чёрная отполированная иномарка: герб на номере, водитель в перчатках, лицо каменное. Короткий ленивый гудок тому, кто не успел отскочить на край тротуара. У аристократа только путь вперед – остальным можно потерпеть. Империя как она есть.

Ну что, за кофе. Я всё равно был идиотом: банку растворимого вчера не купил. Аптечный автомат даже не рассматривал: кипяток со вкусом пластика – спасибо, нет. Через дорогу было другое дело. Серёге я доверял и в вопросе изжоги, и во вкусе.

Внутри было модно и глянцево: чистые столы, пахло кофе и выпечкой. У стойки стояла знакомая бариста. Улыбка у неё была широкая, но уголки губ тянулись вниз. Пальцы дрожали, когда она набирала сумму; взгляд метался то к витрине, то к двери. Лицо улыбалось, глаза – нет. Она боялась. Не «казалось», а это был факт.

– Доброе утро, – сказала она и почти по-свойски кивнула.

– Доброе, – ответил я. – Латте с двойной порцией.

– Молоко обычное или альтернативное? – спросила она.

– Обычное, – буркнул я.

– С вас триста пятьдесят. У нас свежие круассаны: с чёрным, белым, молочным шоколадом; с мясом, с курицей; есть вегетарианские, – предложила она.

– Спасибо, без выпечки, – сказал я.

– Ещё маффины по акции: при покупке кофе – за полцены, – добавила она.

– Я уже позавтракал, – ответил с небольшой раздраженностью в голосе.

– Как вас записать? – она показала белый брендированный стакан, держа в руке маркер.

– Роман.

Бариста взяла стакан и написала имя. Держала ровно, но маркер всё равно чуть дрожал. По старой привычке я мог назвать чужое имя, но теперь можно было и своё – никаких грифов, никаких легенд. Раньше всё было иначе. Когда отправляли в командировки или на задания, мы никогда не назывались настоящими именами. У каждого – своя маска, свой паспорт, своя история. Некоторым, особенно тем, кто работал в долгих операциях, делали даже пластику – чтобы не узнать, не связать, не вернуть обратно в прошлое.

Это была обычная мера безопасности. Не ради паранойи – ради защиты близких и снижения риска. Если ты «Виталий» из Москвы, то в условной Америке ты становишься Джоном из Манчестера, который любит виски и футбол. Смешно, но работало. Любая легенда – щит. Твоя настоящая жизнь оставалась где-то за занавесом, и чем дольше служил, тем тоньше становилась грань между тем, «кем ты работаешь» и тем, «кто ты есть».

Я за эти годы кем только не был: охранником, журналистом, представителем МИДа на Востоке. Каждая роль временная, но имя в ней постоянное – чужое. Так и жил, под чужими именами, пока собственное не стало казаться чем-то вроде старого документа, который больше не нужен. Поэтому сейчас, когда можно просто сказать своё имя и получить кофе, это ощущается странно. Будто впервые за долгое время говоришь правду, пусть и касающуюся такой мелочи, как стакан с надписью.

– Через пару минут будет готово, можете присесть, – сказала она и показала на зал.

Присесть? В час пик в кофейне при деловом центре – удачи. Зал был забит: кто-то сидел за ноутбуком, кто-то в телефоне, кто-то изображал бурную деятельность. У окна сидели две девушки – лёгкого поведения, видно сразу. Наверное, только что со смены пришли перекусить поутру. Колготки хоть и дорогие, но местами с зацепками; макияж слегка поплыл. Ночка, похоже, была активной.

Я заметил свободный столик у окна и направился к нему. Подошёл, отодвинул стул – на сиденье лежал кошелёк. Я взял его в руку. Сработал дар: я почувствовал последние эмоции хозяина – страх, настороженность, желание что-то скрыть.

Я поднял голову и увидел девушку, которая стояла и смотрела прямо на меня. Взгляд у неё был растерянный и напряжённый. Я сразу понял: это хозяйка кошелёчка.

Можно было сыграть клоуна – «Кошелёк? Чей кошелёк?» – но не любил я наживаться на чужом. Поэтому и связал свою жизнь с органами.

Она шла быстро. Торопилась не потому, что реально спешила, а потому что знала: если замедлится, будет хуже.

– Молодой человек, вы кошелёк не видели? Я его забыла, – спросила она, подойдя к столику.

– Видел, – сказал я и протянул. – Вот. Бывает.

Она взяла. Губы тихо прошептали без звука: «Помогите».

Как помочь? Она выглядела ухоженно – дорогая одежда, неброские, но явно стоящие украшения. По осанке, по взгляду, по мелким привычкам – аристократка, или, по крайней мере, из тех, кто умеет держаться, как они. Проблема была не в потерянных купюрах – не в деньгах вообще, а в самой ситуации. В человеке. В том, чего она боялась.

Я перевёл взгляд туда, куда она всё время косилась. К окну. На обочине стояла чёрная иномарка, отполированная до зеркала. За рулём – типичный представитель «тех»: уверенность в позе, привычная надменность в выражении лица, вылизанная улыбка человека, который привык, к тому что мир принадлежит ему. Всё стало ясно. Именно оттуда тянулся тот страх, что я почувствовал, когда взял в руки её кошелёк.

Моя способность не рассказывает историю – она даёт только эмоции. От одной до пяти, максимум. Это обрывки чувств, отпечатки, оставшиеся на вещи в момент, когда человек к ней прикасался. Я не знаю, из-за чего они возникли, не вижу картинок, но эмоция остаётся

– страх, тревога, сожаление. Дальше уже работает выучка. Годы наблюдений, профайлинга, дедукции, та самая привычка, которую некоторые называли «чутьём», а я довёл это до науки. Комбинация этих двух навыков – дара и аналитики – даёт довольно точную картину.

Она боялась не потери. Боялась человека. Боялась попасться. Взгляд – в сторону окна, плечи слегка опущены, дыхание сбито, пальцы дрожат не от холода. Всё указывает на одно: проблема в том, кто сидит в машине.

И вот тут начинается самое неприятное. Что я мог сделать? По сути – ничего. Я не имел за спиной сильного рода, за мной не стояла фамилия, которая могла бы прикрыть, если всё пойдёт плохо. Здесь, в Империи, законы на бумаге одинаковы для всех, но на деле – нет. Все равны, но некоторые ровнее. Аристократ не может безнаказанно избивать людей на улице, формально. Но если случится конфликт между ним и простолюдином, суд будет смотреть в его сторону. Всё-таки «цвет нации».

У аристократов даже своя полиция – отдельные отделы, которые занимаются делами, где замешаны родовые. Если неходишь в их круг, лучше не вмешиваться. Закон здесь есть – крепкий, прописанный, формально справедливый. Но, как и в прошлом мире, работает он не всегда одинаково. Там машины исчезали с камер, свидетели внезапно «забывали», что видели, а виновные выходили сухими из воды. Здесь то же самое – просто в другой обёртке.

В каждом мире своя коррупция и свои «ровные». Здесь к этому добавляется ещё и фактор рода: чем влиятельнее фамилия, тем мягче приговор и тише скандал. Да, конечно, если он сорвётся, его роду потом придётся разбираться, будут проверки, разговоры, внутренние разбирательства. Но до всего этого я просто не доживу.

Я изучал их кодекс чести – негласный свод правил, по которым аристократы должны жить. Старшие его ещё уважают, а вот молодое поколение всё меньше обращает внимание. Им кажется, что фамилия и деньги сами по себе дают право на всё. И если такой решит сорваться – закон его, скорее всего, не остановит.

Антон Палыч Карамыслов шёл по улице, зевая в кулак. Всю ночь он расклеивал объявления – работа простая, но хоть какая-то. Из-за отсутствия денег и собственного проступка его выгнали из полицейской академии. Точнее, именно отсутствие денег и подтолкнуло к этому действию. Хотел жить как все, а средств не было – вот и начал воровать. Вместо престижного звания выпускника полицейской академии двадцатидвухлетний парень имеет звание не менее престижное – мерчендайзер.

Он посмотрел на экран телефона, было полшестого утра. Оставалось ещё двадцать листовок: «Купим волосы в Серпухове». Телефон, клей, пачка бумаги в рюкзаке. Работа не пыльная, ночная, да и смартфон позволяет сфотографировать всё для отчёта. Главное – не попасться дворникам или охране, а остальное мелочи.

Он вышел на улицу Мира. С одной стороны – новенький бизнес-центр, построенный пару лет назад: стекло, металл, логотипы. С другой – старые кирпичные здания ещё прошлого века. В бизнес-центр идти смысла не было: там за каждую бумажку штраф. Антон перешёл дорогу, выбрал старую сторону и начал работать.

Условие заказчика было одно – не клеить объявления ближе, чем через пятьдесят метров. Первое он повесил на углу, прямо на столбе, перекрыв конкурента Рашида. Тот предлагал «Наращивание ресниц, маникюр, педикюр и массаж». Сегодня у Антона – «покупка волос», а вчера были «интим-салон Кристина» и «ремонт бытовой техники у Рамира». Последний, вообще-то, звался Арамидзе, но для клиентов представлялся просто Рамиром – под итальянца косил, звучало солиднее.

Ближайшие пятьдесят метров Антон мог быть спокоен – здесь его никто не увидит. Он сунул клей в карман, следующую рекламку пока не доставал. Листовки были небольшие, места

почти не занимали, но дворникам эта работа не нравилась: их потом заставляли всё это оттирать.

Проходя мимо входа в один из старых домов быта, которые теперь модно называли бизнес-центрами, он вдруг заметил знакомую фамилию. «Крайонов».

Вот из-за этого мудака его и выгнали из академии. Неужели тот самый? Антон всмотрелся в табличку: да, действительно, «Детективное агентство». Не может быть таких совпадений. Как же тебе подгадить-то?

Он огляделся. Камеры – как назло, прямо у самого входа. Интересно, муляж или настоящая? Клеить сюда было нельзя – могут быть проблемы. Если камера рабочая, запишет лицо, потом проверят записи, найдут. А дальше всё просто: по номеру телефона на объявлении выйдут на «работодателя», и тот уже вlepит штраф за нарушение инструкции. Всем расклейщикам объясняли: работай в капюшоне, не показывай лица, не подходи ко входам и не лезь под камеры. Но и это бессмысленно – номер всё равно виден, а одного звонка достаточно, чтобы через контору отследить, кто клеил.

Все эти фирмы потом одинаково отрециваются: «Мы предупреждаем наших сотрудников, чтобы они клеили только в разрешённых местах». Враньё, конечно, но формально всё чисто.

Антон вздохнул. Смотрел на дверь и на табличку с фамилией «КРАЙОНОВ» – пальцы чесались хоть чем-то напакостить. Ничего серьёзного, просто по-мелкому – так, чтобы знать, что он это сделал. Понимал, что если попадётся, штраф будет ощутимый. Академия хоть и не дала диплома, но закон он знал.

А злость никуда не делась. Именно Роман тогда вычислил, кто таскал патроны из оружейки, где они проходили практику, и продавал их на стороне. Проследил, собрал доказательства, сдал всё директору академии – и получил автоматы по всем дисциплинам. Антон же за воровство вылетел из академии без права восстановления. Всё законно, всё по правилам. Только осадок остался – липкий, как клей на его пальцах.

Ладно. Что поделаешь. Уже ничего. Придётся дальше расклеивать эти чёртовы листовки.

Спать хотелось до одури. Он был усталый и злой: задание досталось паршивое. Сейчас закончит, доберётся до дома, поспит пару часов – и снова на стройку разнорабочим. Там вроде обещали перспективу: если постарается, может стать прорабом. Пока ходит в учениках, но время делает своё.

Последние мысли перед тем, как наклеить эту листовку, были простые: он устал от бумажной возни и хотел одного – закончить смену и лечь спать.

Он приклеил объявление ровно так, чтобы закрыть букву «К». Теперь на табличке читалось: «Детективное агентство РАЙОНОВ». Почти как каламбур – «детектив на районе». По его мнению, звучало это дешево, по-бытовому, будто отбрасывает в простое, дворовое. Будто вместо серьёзного агентства – какой-то ларёк у метро. Всё равно никто не станет задумываться, что под бумагой прячется ещё одна буква. А кто-то, может, и решит, что хозяин конторы безграмотный.

Он использовал лучший клей – тот, что выдавали для трудных мест, где реклама должна держаться дольше всего. Смесь дорогая, всего один маленький тюбик, пять миллилитров, но сегодня он выдал почти весь. Антон был умелым расклейщиком и знал, как приклеить объявление так, чтобы оно провисело долго, даже без этого клея. Обычно он берег его – иногда продавал строителям: клей отлично пропитывал материал и держался намертво. С бумагой он вообще давал плотный слой, почти как защитную плёнку, пропитывал её всю, и отодрать потом было мучением. Не каждый уборщик хотел возиться с таким – слишком долго потом оттирать руки от клея.

Думал об этом всём Антон, уже отойдя метров на двадцать от вывески. Насвистывал себе под нос, вполголоса напевая: «Районы, кварталы, жилые, массивы...». От самой мысли стало

чуть легче. Как будто от этого нелепого каламбура и мелкой пакости на чужой табличке и жить стало чуть веселее.

Я сидел и думал, как же мне помочь этой девушке – да ещё так, чтобы сегодня хотя бы до вечера дожить и не сдохнуть. Говорила мне мама ещё в детстве, ещё в той жизни: «Иди в гинекологи, сынок. И руки в тепле, и девушек спасать не надо – лечить будешь». А я нет, всё-таки спасать хочу. Ну как я, сотрудник ФСБ... Ну, бывший сотрудник ФСБ, могу отказать в помощи прекрасной даме? Чувство моей справедливости выше чувства самосохранения.

Недолго думая, я вспомнил всё, что видел при входе в эту кофейню за много раз, и понял, что единственный способ скрыться – выйти через второй вход, который ведёт в сам бизнес-центр. Но как провернуть это так, чтобы этот слащавый парнишка из машины не успел до меня добраться? Хотя, наверное, даже если он аристократ, убивать меня прямо в торговом центре он не сможет. Да, законы Империи такое позволяют, но не при свидетелях. А убивать просто так пока никому ещё не разрешено... Ну, разве что Императору.

С Императором вообще всё проще – он что хочет, то и делает. Император, как-никак. Впрочем, в прошлом мире всё было примерно так же.

Ну, во-первых, надо прекращать молчать.

– Девушка, наверное, вам нужно меня как-то отблагодарить за то, что я нашёл ваш кошелек.

Я вижу – глаза у неё чуть расширяются, брови приподнимаются. Радость, облегчение, надежда – всё сразу. Она поняла намёк.

– Да, конечно, – говорит, – давайте я с вами расплачусь.

– О нет, нет, – отвечаю, – деньги от прекрасных дам я не принимаю. Но вот подарок – другое дело.

Наверное, это будет правильная идея. В голове быстро выстраиваю план: единственный способ разыграть всё так, чтобы не сбегать в торговый центр, – пойти покупать мне подарок.

– А что бы вы хотели получить в подарок?

– Знаете, я в торговом центре видел отличную ручку. А у меня как раз напротив открылось сегодня детективное агентство. Хотел бы, чтобы вы подарили мне ручку с гравировкой моей фамилии.

Я поворачиваюсь в сторону окна и показываю рукой на свою вывеску, специально, чтобы отвлечь парня. Он поворачивает голову туда же.

– Там написано слово «бежим», – говорю я, и она сразу всё понимает.

Отлично, манёвр сработал. Мы срываемся с места и бежим к выходу.

Девушка примерно моя ровесница – лет двадцать, может чуть младше, может чуть старше. Хотя спрашивать возраст у дамы во время побега – некультурно. Но вопрос всё равно вылетает:

– А от кого и зачем мы бежим?

– Он подозревает меня.

– В чём он тебя подозревает?

Но ответ я не успел расслышать – или просто пропустил мимо ушей, потому что при выходе из зала кофейни, который вёл в торговый центр, стоял мужик в костюме. Стандартный «сесюрити»: рост под два метра, лысый, наушник в ухе, лицо кирпичом. Сто процентов – либо охранник, либо подчинённый того самого мажора из машины.

Драться с телохранителем аристократа – вариант из разряда «зачем?». Не потому что страшно. Просто бессмысленно. Геннадич всегда повторял: «Лучшая драка – та, которой не было». А я придерживаюсь простого правила: если задачу можно решить без мордобоя – решай. Силы ещё пригодятся.

Импровизируем.

Обстановка считывается за долю секунды.

Стул передо мной.

Парень идёт с подносом – кофе и круассан.

Телохранитель стоит у двери справа.

Хватит и одного толчка. Стул летит в бок, цепляет парня, поднос в воздух – кофе вправо. Если повезёт, кипяток окажется на лысине у двери. Дальше – три секунды боли и унижения, а нам этого хватит.

Так и делаю. Резко бью ногой в стул. Он летит, задевает парня с подносом. Тот выкрикивает на весь зал гламурным фальцетом:

– Мой лавандовый раф! – визжит он, а круассан взлетает следом.

Фу, как пошло. Ещё и круассан, похоже, веганский – вижу одну траву.

Но сработало идеально. Поднос переворачивается, кофе летит вбок, заливает костюм охраннику. Тот дёргается, ворчит и смотрит вниз. А мы уже проскальзываем мимо.

Двери двухстворчатые: мы влетаем в левую, он стоит у правой. Схватить не успевает – мы уже за его спиной. Отлично, мой план работает.

Перед нами открывается широкий амфитеатр торгового центра. Этажи уходят вверх кольцами, по эскалаторам движутся люди. В воздухе смешаны запахи еды, парфюма и пластика – что-то тянет из фуд-зоны, что-то из бутиков с дорогими ароматами. Народу не так много, как вечером, но достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности. Здесь меня точно убивать не станут.

Но краем глаза ловлю движение. Резкое, неправильное. И через мгновение это движение превращается в боль в скуле. Удар. Мир вспыхивает и гаснет. Темнота. Я теряю сознание. Меня вырубили одним ударом. Бывшего капитана ФСБ. В теле молодого парня.

Ну прелестный день.

Просто прелестный.

Глава 2

Снился мне писклявый парень с лавандовым рафом, который сидел на шее у охранника и бил его круассаном по лысине. Это последнее, что осталось у меня от сновидения, когда я начал приходить в себя. Вот приснится же такое, а?

Глаза не открываю – чувствую, что вишу вниз головой. Кровь приливает к вискам, в них пульсирует тяжёлый ритм. Металл наручников врежется в запястья, и с каждым покачиванием тело чуть тянет вниз. Горло сушит, а в ушах – лёгкий звон. Начинаю прокручивать в голове, что произошло, и думаю, как я вообще мог пропустить удар в челюсть. Почему так? Рассеянность внимания? Наверное, да. Хотя, скорее всего, у охранника подготовка не хуже моей. Всё-таки удар был точный, без лишних движений.

Да и за десять лет, что я живу в этом теле, я так и не привык к нему полностью. Чувствую себя на девяносто процентов полноценным человеком, но те оставшиеся десять – они всё равно дают о себе знать. Умирал-то я в тридцать семь, с другим телом, другой подготовкой, с другим весом и мышцами. Там я был крупнее, крепче, а здесь, как бы ни пытался кормить, тренировать, наращивать – не идёт.

Словно сама природа решила: этому парню быть не бойцом, а смазливym, жилистым сердцеедом. Ну вот как к себе относиться серьёзно, если, подвешенный вниз головой в наручниках, я думаю о таком? Надо бы думать, как выбираться из этой ситуации.

Ну а о чём ещё думать сейчас, пока висишь скованным и притворяешься, что спишь? Данных-то всё равно нет. Всё, что могу сейчас понять – это примерно по слуху определить, что меня кто-то охраняет и находится где-то метрах в трёх. Кто-то дышит.

А так – всё, тишина. Ни капли, ни звука, ни запаха. Пахнет... пахнет как парковка. Просто бетон. Бетонные стены. Хотя нет – я бы даже не сказал, что это парковка, потому что нет свойственного запаха бензина и угарных газов, которые оставляют автомобили. Поэтому, вероятнее всего, это либо подвал, либо какой-то технический этаж. Может, прямо в том же торговом центре.

Если это аристократ, то, думаю, для него не проблема взять в аренду такое помещение, закинуть меня сюда и допросить.

Ну а тело... я так понимаю, это из-за того, что всё-таки я аристократ, хоть и из разорившегося рода. Отец мой, бывший нотариус, заключил какую-то сделку так, что всё, что было у рода, ушло в откуп этой ошибки.

Это я уже, конечно, понял потом, после того как пришёл в себя. И после того как мне сообщили, что он умер. А пришёл я в себя десять лет назад, в больнице, с проломленной головой. По слухам и по общим понятиям, отец этого парня нажрался до беспамятства и решил закончить жизнь всего рода – ударил своего сына, то есть меня, но не меня, чем-то тяжёлым по голове, по затылку, и сам залез в петлю.

Но парень выжил. И теперь я – в его теле, вероятнее всего. Он действительно погиб в тот момент, когда произошло это переселение душ. Как и почему – я не узнал и, наверное, не узнаю.

Так вот, тело аристократа всегда потянутое. По крайней мере, всех, кого я видел – никого не встречал большими, перекачанными бодибилдерами. Все они вот такие, как я: смазливые и стройные. Наверное, аристократов можно сравнить с эльфами из фэнтези – всегда стройные, подтянутые и сильные. Голубая кровь, как-никак.

Но не все аристократы такие. К таким относятся только те, у кого есть магический дар. Аристократический статус, по сути, можно купить. Если ты крупный бизнесмен или сделал что-то большое и полезное для Империи, тебе обязательно выдадут титул. Им могут наградить либо старший аристократ, либо сам Император.

К примеру, князь может взять простолюдина к себе в вассалы и дать ему баронский род – если у него осталась такая привилегия, полученная когда-то от Императора. Всё, в любом случае, завязано на нём. Но если у кого-то из князей, графов или герцогов есть разрешение на принятие простолюдина в аристократы, то получить этот статус вполне реально.

На этих мыслях меня оборвали шаги – гулкие, чёткие, разносившиеся по всему помещению. Эхо било по ушам, значит, комната большая. Я точно не в маленькой коморке. Глаза продолжал держать закрытыми, притворяясь спящим.

– Ну чё, он пришёл в себя?

– Нет, господин, так и висит без сознания.

– Так может, перевернуть его? А то у него вся кровь в голову потечёт – ещё помрёт так.

– Не, вряд ли. Он крепкий. Я когда бил, выкладывался на максимум. Ещё чуть-чуть – и, наверное, не вырубил бы.

– Так может, водой облить?

– Так нету, господин, воды.

– Ну так а чё стоишь, иди принеси воду.

Всё-таки аристократ. Это и так было видно по лицу, ещё когда я его видел в машине. И голос у него звучит именно так, как я и предполагал. Мягкий, бархатный, поставленный. Хотя сейчас в нём нет того статуса, который обычно слышен у аристократов.

Всё-таки я понял – убивать меня пока не собираются. А быть облитым не хотелось, поэтому решил простонать и открыть глаза. Всё ясно – сейчас начнётся допрос. А я сыграю роль простака. Пусть думают, что я слабее, чем есть на самом деле. Иногда самое безопасное оружие – это глупая улыбка.

– Кхм... Что?.. Где?..

Я открыл глаза. Передо мной стояли двое.

Аристократ – и его охранник.

Охранника спутать было невозможно. Классический набор: костюм-тройка, идеально подогнанный под фигуру, явно сшитый на заказ. На левой стороне пиджака – небольшой герб рода, вышитый так тонко, что он бросался в глаза только тем, кто знает, куда смотреть. Лысая голова блестела под светом лампы, кожа стянута, словно всегда натянута в боевой готовности. Широкая шея, массивные плечи, расслабленная челюсть – типичный человек, у которого тело работает лучше, чем голова. Зрачки чуть расширены, дыхание ровное, без фокуса, лицо неподвижное. В выражении отсутствовали мысли как класс: мозг отдыхает, мышцы дежурят. «Сила есть – ума не надо» – вот про таких говорят.

А вот аристократ выглядел иначе.

Идеально выстриженные волосы – русые, блестящие, уложенные так аккуратно, будто он посещает личного барбера каждые три дня. Прическа ровная, подчёркивающая безупречно правильные черты лица. На нём была приталенная чёрная рубашка, подчёркивающая идеальную фигуру. На шее блестела тонкая аккуратная цепочка – не та, которую любили "новые русские" в моём мире, тяжелую и массивную, очень часто не из настоящего золота.

Тёмные легкие брюки из натурального материала. Чистые и аккуратные туфли. Всё, как положено воспитанному аристократу.

Его взгляд встретил мой спокойно.

Мелкие морщинки у переносицы – раздражение.

Брови сведены, но без движения в скулах – значит, агрессии нет.

Лёгкое приподнимание плеч, короткий вдох – контролирует себя.

Отвращение было. Но без желания убивать. Просто брезгует.

И знает, как это скрывать – воспитание не подвело.

– О, спящий красавец проснулся, – с мерзким тоном отозвался аристократ. – Ты с ней спишь, ублюдок?

– С кем «с ней»? – решил я уточнить.

О, похоже, тяжёлый случай. Ревнивый парень. Муж. С такими дела всегда сложнее – особенно когда у них власть, деньги и слабая психика.

– Элизабет, ты с ней спишь? Вы задумали побег от меня? – в голосе сквозило раздражение.

– Ну... давайте я представлюсь, – решил я разрядить обстановку. – Меня зовут Роман. Я частный детектив. Моё агентство находится как раз напротив той кофейни, где всё произошло. Элизабет вашу, как вы её называли... я увидел впервые.

– Не ври мне! – рявкнул он. – Я знаю, она поэтому постоянно берёт у меня деньги и тратит. Она тратит их на тебя, простолюдина!

– Ну, вообще-то, я сам зарабатываю, – выдавил я, всё ещё стараясь держать спокойный тон. – Элизабет вашу видел впервые.

– Проучи его, – коротко бросил аристократ.

Следующий миг – удар в живот. Хоть в пресс. Успел напрячься. Воздух вылетел из лёгких с глухим звуком, но не критично. Бил он не в полную силу – чувствовалось. В сравнении с тем, что прилетело в челюсть, это детский сад.

Кстати, она до сих пор побаливает. Когда пришёл в себя, не сразу понял – мигрень и звон в голове помогли забыть о боли. А сейчас, после удара в живот, челюсть о себе напомнила.

– Ну что, будем дальше играть в молчанку? Или расскажешь, где ты её трахаешь?

Он повернул голову к охраннику – тот послушно врезал ещё раз.

Воздух снова вылетает из лёгких. Удар в живот, глухой, вязкий. Тело висит вниз головой – кровь стучит в висках, ладони ноют от наручников. Я глотаю воздух, сдерживая стон, и смотрю.

Аристократ стоит напротив. Глаза холодные, но не безумные. По еле заметному сокращению мышц у переносицы понимаю – это не ярость. Это обида и страх. Он не ревнует, он теряет контроль. Боится быть посмешищем. Вот он – перелом. Не сила решает, а слово. Стоит только дать ему иллюзию власти – и он сам протянет тебе руку. Будем, работать не на оправдание, а на контроль. Дать ему его обратно.

– Я не знаю её, – произношу тихо, ровно, чтобы голос не дрогнул. – Я частный детектив. Сегодня первый день открытия агентства. Могу помочь вам разобраться. Если хотите, я прослежу за ней. Проверю всё – честно, без прикрас.

Он шурится, губы чуть поджимаются.

– Я нанимал таких, как ты, – бросает. – Все бездарные. Она всё равно уходит. Ни один не доказал, что она изменяет.

По глазам вижу – не врёт. Действительно нанимал. Действительно не смогли ничего найти. И теперь не доверяет никому.

Может, просто ревность. А может, и правда всё не так чисто. Я помню, что почувствовал, когда держал её кошелёк: страх и что-то спрятанное то, что она что-то скрывает. Мой дар не показывает причины, только эмоции.

Но сейчас не время рассуждать. Сейчас нужно выжить.

– Если никто не смог доказать, – говорю спокойно, – значит, вы просто выбирали не тех. Попробуйте последний раз. Для вас это вопрос доверия, для меня – вопрос репутации. Договор, отчёт, видео, доказательства. Всё официально.

Он молчит. Плечи чуть опускаются. Губы дрогнули, дыхание стало тише. Это уже не угроза – размышление.

Я мысленно отметил: «Есть». Контакт пошёл.

Теперь главное – не сорваться.

– Сегодня первый день работы, – продолжил я, не давая паузе остыть. – Возьму заказ с половинной оплатой, как для первого клиента.

Также надавлю на то, что я меркантильный. Такие, как он, привыкли все покупать.

– Ты точно мне не врешь? – решил он уточнить.

Я быстро, чтобы не потерять то, что уже удалось выстроить, отвечаю:

– А какой смысл мне врать?

– Ну, смысл, например, чтобы не сдохнуть.

– В принципе, логично, – подтверждаю я, чуть кивая. – Но мне, например, сейчас куда интереснее получить заказ от такого великого господина.

Пауза.

– Кстати, как могу к вам обращаться, господин?..

– Максим Викторович Драгомиров.

– От такого великого и сильного Максима Викторовича Драгомирова. – повторяю я с легкой усмешкой, – было бы честью принять заказ. Я же правильно понимаю – вы аристократ?

– Да, – гордо выпятив грудь, подтвердил он. – Я наследник графского рода Драгомировых.

Ага, вот он – наш клиент. Здесь мы будем играть на его чувствах, на его тщеславии.

Глаза чуть заблестели, подбородок приподнялся, плечи расправились – весь набор микророжестов, который я уже научился считывать. Он получает удовольствие, когда его признают.

– Ну, вы представляете, – продолжаю я, будто невзначай, – в первый же день работы агентства взять заказ от такого великого графского рода, который считается одним из самых влиятельных в Серпуховском районе. Я даже слышал, и в Москве ваш род имеет особое влияние и связи.

– Да, ты всё правильно слышал, – ответил он с довольным видом.

– А теперь вы – высокого птица полета и я мелкая сошка, которая только появилась на рынке, – продолжаю в том же тоне, – сможет выполнить ваш заказ так, как вы хотите – доказать измену вашей... – делаю короткую паузу, – невесты, это будет просто честь для меня.

– Она моя будущая невеста, – ответил он. – Из баронского рода Белозерских.

Ага, думаю я. Вот тут всё и складывается.

Белозерские – бароны, а Драгомировы – графы. Значит, всё-таки любовь, а не расчёт.

Драгомировы – действительно влиятельные, старые, богатые. Я знаю: у них пара заводов и даже кое-что завязано с военной промышленностью. Конечно, не изучал детально, но в общих чертах да – род серьёзный. Один из первой сотни аристократов Московской области, стабильно мелькает в списках влиятельных фамилий.

А Белозерские – ниже рангом. Баронский род. Значит, если он выбрал именно баронессу, то, видимо, действительно по любви. Потому что отец на такое вряд ли бы согласился. Старший Драгомиров скорее выбрал бы графиню, а то и дочку герцога.

Значит, всё-таки сыночка он любит, раз разрешил жениться по сердцу, а не по рангу.

Элизабет Викторовна – дочка барона Виктора Кирилловича Белозерского. Барон, кстати, хоть и не первой линии, но род у него старый, уважаемый.

Владимир не блистал умом, зато был одарён силой.

Родился в деревне, в простой крестьянской семье. С малых лет помогал родителям по хозяйству: то на поле копать, то с животной возиться – коров гнать, свиней чистить, телят подтаскивать. Тело крепкое, здоровье железное – ему и тяжесть не в тягость, и солнце не вредит. Кожа грубая, ладони мозолистые, мышцы будто сами собой росли, даже когда он ничего особенного не делал.

Учёба шла плохо: буквы путались, цифры ускользали, зато по физкультуре всегда был лучший. Учитель физры даже говорил: «Этому бы в спорт – да кто им там заниматься-то будет, крестьянским мальчишкой?»

После школы пошёл в армию.

Там понравилось: всё понятно, расписано, сказал командир – сделал. Не надо думать, не надо придумывать, не надо сидеть над бумагами. Отслужил, вернулся, и понял: не его это – документы, отчёты, планы. Мозгами зарабатывать не получится, зато кулаками – вполне. Так он и пошёл в охрану. Сначала у мелких бизнесменов в областном центре: сидеть у входа, проверять сумки, пару раз «попросить» нетрезвых гостей уйти. Потом перекочевал повыше – побогаче люди, почище работа. Там уже костюм выдали, рацию, инструктажи.

По знакомству попал к Драгомировым – и остался.

Там всё было по-другому: порядок, дисциплина, уважение. Ему впервые в жизни сказали «молодец» не за то, что тачку вытолкнул из грязи, а за работу. Теперь он работал на самого господина... вернее, на его сына – Максима Викторовича. Отец называл его просто: «Максимка». Владимир следил за ним, сопровождал, выполнял поручения. Не умничал, не задавал вопросов.

Ему не нужно было много: еда, одежда, кров – всё за счёт рода. Деньги, что платили сверху, уходили семье в деревню – родителям, брату, сестре. Себе он ничего не копил. Жил тихо, без претензий, без излишеств. Его устраивала простая жизнь: утром встал, поел, на службу, вечером отбой.

Никаких сложностей.

Сегодняшний день вроде ничем не отличался от остальных. Господин приказал присмотреть за его невестой: пойдут, мол, кофе попьют, потом на покупки. Дескать, ворует она его деньги, да поймать никак не выходит. Сыщиков нанимали – бесполезно. Никто ничего не нашёл.

Владимир к таким задачам относился просто. Сказали следить – значит следить. Не думать, кто прав, кто виноват. Работать.

Вот и стоял он у выхода из кофейни, наблюдая.

Он даже не представлял, что такие могут воровать: у них же всего полно. Но если господин сказал – значит, так и есть.

Они с господином пили кофе, потом вышли. Потом она зачем-то снова вернулась и тут всё пошло не по плану: невеста сорвалась и побежала – с каким-то парнем. Резко, будто её ужалили.

Владимир сработал по привычке, не раздумывая. В армии у него это вбили: сначала действуй, потом думай. Догнал, ударил, вырубил.

Тут он так и сделал. Лёгкий парень – аж удивился, как легко тот рухнул.

Теперь тащит его вниз по лестнице, на технический этаж бизнес-центра. Ступени бетонные, холодные, пыль поднимается из-под ног. Воздух здесь сыроватый, гулкий: трубы, кабели, железные щиты. Лифт сюда не идёт, место пустое, чужих нет. Самое то, чтобы привести пленника в чувство.

Нашёл цепи, наручники – свои, рабочие. Всегда носил с собой: так спокойнее. Подвесил вниз головой, чтоб не сбежал. Ничего личного – так надёжнее держать того, о ком ничего не знаешь.

Смотрит на него и думает: странный парень. Лицо не простое, черты правильные, кожа чистая, руки ухоженные. Похож на аристократа. Все они, черти, такие – смазливые. И пахнут как-то... не так, как обычные мужики. Не потом, не дешёвыми сигаретами, а чем-то лёгким и дорогим, что Владимир и назвать бы не смог.

И ещё одно странное: лёгкий. Будто внутри не мышцы, а пустота. Но ударился об пол правильно – не как городские нежинки. Тело тренированное, чувствуется.

Владимир почесал затылок, всматриваясь в лицо пленника.

Какой-то ты не такой...

Но вопросы задавать не его работа. Его работа – держать, ждать приказа и не отпускать.

Сиюю сейчас у себя в офисе, наблюдаю, как Драгомиров читает договор, и в голове ещё не остыли воспоминания о том, как всё прошло. Он, конечно, ещё немного побрыкался, но всё-таки я его додал, и мы решили заключить контракт. Правда, всё это время я так и висел вниз головой, пока он не сказал:

– Ну давай, вправду попробуем. Какая разница, дорого ты берёшь?

– Нет, всего три тысячи рублей в день, – ответил я.

Он даже посмеялся. Понятно, для него это копейки.

Познакомился я и с его охранником – Владимиром. Тот спустил меня, расстегнул наручники. Когда я дотронулся до металла, поймал эмоции Владимира – странные. В нём не было злобы. Обычно я чувствую две-три, иногда пять эмоций, а тут всего две. Ни страха, ни боли. Только безразличие и интерес. Почему-то кажется, что интерес был ко мне, а безразличие – это просто отражение пустоты в его башке.

Мы спустились вниз. Как я и предполагал, всё происходило в том же бизнес-центре, что напротив моего офиса. Лифт, один этаж – и вот мы уже у меня. Сейчас он сидит напротив, читает договор. Как раз, когда я додумал эти мысли, Драгомиров дочитал последний пункт и поднял взгляд.

– Ну, в принципе, я прочитал, Роман. Меня всё устраивает. Я так понимаю, договор типовой? Юристов ты не нанимал? – спросил он.

– Да, конечно, – ответил я спокойно. – Мне нечего скрывать. Подводных камней не будет. Работаю честно, на репутацию. Пока молодой, пока только начинаю.

– Хорошо. Только смотри, не хавай просто так мои деньги, – усмехнулся он. – Хотя это даже деньгами не назвать. Я тебя вообще могу купить на год с твоими-то запросами.

Его смех обоснован. Он на бензин, наверное, тратит больше, заправляя свою иномарку. И стало как-то обидно – потому что он действительно не соврал. Он и вправду мог бы купить меня в личное пользование на год.

А вот это я и не люблю в аристократах. Наверное, поэтому и не подал документы на получение баронского статуса после совершеннолетия. Не хочу становиться таким же надменным. Да и проблем с аристократическим статусом хватает: обязательно впихнут какую-нибудь землю, может, ещё и территорию, за которой нужно следить, вкладывать деньги. А мне это надо? Мне и на себя иногда не хватает.

– Если вас всё устраивает, тогда подписываем и по рукам, – сказал я.

– По рукам, – кивнул он и подписал.

Пожали руки.

Ну вот и первый мой заказ – поймать невесту на измене.

Глава 3

Максим убрал договор в папку, встал, потянулся так, будто только сейчас окончательно пришёл в себя. Тот самый момент, когда с него слезла истеричная ревность, и он начал снова думать головой. По движениям это было видно: плечи ровные, дыхание спокойное, взгляд уже не рвётся сожрать.

– Ладно, – сказал он. – Чтобы начать работать, тебе нужны данные по Элизабет?

– Да, – кивнул я. – Где бывает, где ест, график, маршруты. И её личную вещь. С предметами проще – по ним можно понять психотип.

Максим хмыкнул.

– У каждого свои фетиши.

Я промолчал.

– Так, – продолжил он. – За расписанием к тебе приедет Андрей. Этот... – он кивнул на Владимира, – слишком тупой.

Владимир опять никак не отреагировал – всё такое же пустое лицо.

Максим снова посмотрел на меня – уже спокойнее. И тут прищурился:

– Почему ты не сказал, что ты аристократ?

Я лишь коротко ответил:

– Заметили, значит.

Он чуть мотнул головой и поднял ладонь:

– Ладно, давай так. Мы сейчас неофициально, договор только что подписали, работать нам с тобой ещё долго. Поэтому давай на «ты». И без этих реверансов. Ты меня видел в таком состоянии... – он выдохнул, – где я выглядел не как аристократ, а как влюблённый идиот.

Вот это уже был нормальный тон. Не надменность, не ревность – нормальная попытка выровнять ситуацию и не раздувать конфликт.

Я кивнул.

– Тогда по-честному. Если бы я в той комнате сказал, что я тоже аристократ, ты бы взорвался ещё сильнее. Ты был не в состоянии слушать. На тебя бы это сработало наоборот: невеста помогает не простолюдину, а другому аристократу. Это бы твоё самолюбие только сильнее зацепило.

Максим задумался. Видно – понимает.

Потом он перевёл взгляд чуть ниже и спросил:

– А почему ты без перстня? Насколько понимаю, у тебя должно быть кольцо рода.

– По крови – да, – ответил я спокойно. – Но официально я ещё не вступил в баронский статус. Документы не подавал. Поэтому и не ношу. Да и смысла пока мало – сам видишь, – я развёл руки, намекая на кабинет.

Максим скользнул по мне взглядом сверху вниз.

– Да, вижу. Ты не из богатых аристократов.

– Да, – согласился с ним.

Он кивнул. Спокойно, без высокомерия – как человек, который наконец вернулся в нормальное состояние.

– Ладно, – он поднялся. – Тогда жди Андрея. Если нужны вещи Элизабет – тоже ему скажешь. Он принесёт всё, что сможем достать, без шума.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее и спросил:

– От меня что-то ещё требуется?

– Да, – ответил я. – Небольшой условный опрос. Пару вопросов, чтобы понять, куда копать.

Максим кивнул:

– Ну давай.

– Во-первых... как ты вообще понял, что она тебе изменяет? Или хотя бы – что пропадают деньги? Может, это вообще кто-то другой. Может, копать нужно шире.

Максим выдохнул, сел обратно и постучал пальцем по столу:

– Нет. Тут всё проще. Сначала я тоже думал так же, как и ты. Предполагал, что ворует кто-то из моих. Я сменил счета. Открыл новые. К которым доступ есть только у неё. Только у Элизабет. Даже я оттуда не беру.

Он сделал акцент взглядом:

– И деньги пропадают именно оттуда. Счёт чистый, доступ одноразовый – её. Значит, вывод очевиден.

Я кивнул, и он продолжил:

– Второе. Она иногда пропадает. Прямо физически пропадает из поля зрения. Следят за ней – она делает пару шагов, сворачивает за угол, и всё. Наблюдатель доходит – её нет. Может появиться через два или три часа. Так было не один раз.

Он посмотрел в сторону двери:

– И да, она явно понимает, кто за ней следит. Или чувствует.

– Это магия? – уточнил я.

Максим усмехнулся уголком губ:

– Ты же понимаешь, что даже если я знаю – я тебе это не скажу. Это тайна её рода.

– Понимаю. Но вопрос стоил того, чтобы его задать.

– Скажу только главное: её дар никак не связан ни со скоростью, ни с телепортацией, ни с исчезновением, ни с маскировкой. Никаких трюков, которые позволили бы ей растворяться в воздухе. Это точно не её путь.

Я кивнул, отмечая это в блокноте.

– Хорошо. Есть отчёты от прошлых детективов? Чтобы я не повторял их работу.

– Андрей их привезёт, – сказал Максим. – Но поверь, там пусто. «Зашла в туалет – исчезла. Появилась через три часа». И так все отчёты.

Он вздохнул:

– А деньги... Да, мы запросили фото с банкоматов.

Я поднял взгляд:

– Значит, у тебя действительно широкие связи.

Максим чуть повёл плечом, будто для него это мелочь:

– Каждое снятие – на фото именно она. Это мы проверили. Но есть ещё нюанс. Некоторые деньги переводились на счета-одноразовки. Имперский банк даже с нашими связями толком ничего не дал. Нашли только людей, на которых оформлены счета. Простолюдины, бедные. Говорят одно и то же: подошёл человек в капюшоне, попросил открыть счёт, заплатил копейки. Они сняли деньги, – маленькую часть оставили себе.

Я всё это время записывал. Не потому что память плохая – а потому что мысли приходят в момент записи, так проще ловить ходы.

– Хорошо, – сказал я, захлопывая блокнот. – Тогда по вещам... Тут есть один нюанс. До предмета не должен был дотрагиваться никто после неё.

Максим поднял бровь:

– Это тебе зачем?

Я тоже поднял бровь:

– Ты же понимаешь.

Максим хмыкнул, оглядел мой потрёпанный офис и усмехнулся:

– А, секреты рода? Ну да, ну да...

– Есть ещё один вопрос, – сказал я, переворачивая страницу в блокноте. – И только не вскипай. Я понимаю, что тема большая, но задать я её обязан. Почему она тебя боится? Ты ей разве причиняешь зло? Боль?

Максим резко вдохнул, но удержался. Я поднял ладонь:

– Спокойно. Всё, что ты скажешь – останется здесь. Клянусь честью аристократа, что это будет тайной моего рода. И в договоре тоже прописано: тайна клиента в полной конфиденциальности. Даже если речь о нарушении закона – я не имею права это раскрывать.

Он хотел что-то сказать, и перебил меня быстрее, чем я успел закончить:

– Да нет! Я её не бью. И никогда не бил. Я её люблю. Очень сильно люблю. Ты сам мог это понять.

Он отвёл взгляд в сторону, будто собираясь с мыслями.

– Она боится не меня. Она боится того, что я постоянно пытаюсь получить ответ. Достāju её. Давлю. Стараюсь проводить с ней больше времени, чтобы она... ну... чтобы она не уходила. Не изменяла.

Он сел глубже в кресло.

– Раньше всё было нормально. Это всё началось пару лет назад. До этого мы были как... – он пожал плечами. – Мы знакомы с детства. Родовой статус разный, да. Но жили мы рядом. Всю жизнь вместе. Дружили. Я её знаю... считай, с пелёнок. Я и люблю её с тех же времён.

Я кивнул.

Максим продолжил:

– Поэтому отец и согласился на этот брак. Ты сам понимаешь – она не по статусу нашему роду. По всем правилам мы даже не должны были быть вместе. Но... – он грустно усмехнулся. – Но отец пошёл нам навстречу. Сколько это стоило – даже рассказывать не буду. Я добился, чтобы это был брак по любви, а не по договору.

Он провёл пальцами по столу и выдохнул:

– А потом всё сломалось. Она начала срываться. Пропадать. Я пытался держать её рядом, пытался спрашивать, что происходит... давил. Да, давил. Она закрывалась ещё сильнее.

Максим поднял взгляд:

– Сегодня она тоже не хотела видаться. Я её вынудил. Через её отца. Мой отец помогает ему, у них много общих дел, так что... иногда Кириллу приходится идти нам навстречу. И я подумал, что так лучше. Чтобы она не убежала. Чтобы всё наконец выяснить.

Он покачал головой:

– Но она всё равно это сделала... благодаря тебе, – он злобно зыркнул на меня. – После того, как вырубили тебя, мы так и не смогли её поймать. Сейчас вообще не знаем, где она.

Я сделал пометку в блокноте:

“Она боится не его. Боится не успеть туда, куда ей нужно.”

– Понятно, – сказал я. – Документы сегодня к вечеру или завтра утром?

– Да. Последний раз я нанимал детектива месяца три-четыре назад. Все материалы где-то валяются. Они бесполезные – там пусто. Но Андрей всё привезёт.

– Хорошо. Тогда по вещам... Привезите мне то, чем она пользовалась в последний раз перед побегом и, как я уже говорил, в пакете, и не прикасайтесь к ней, чтобы не остались ничьи следы, кроме её.

Максим приподнял бровь:

– Ты что, как собака нюхаешь?

– Ну... – я пожал плечами. – Давай скажем так: да. Как собака. По запаху.

Он усмехнулся:

– Ладно. Я распоряжусь, Андрей всё сделает правильно.

Я закрыл блокнот.

– Ну тогда, Максим, не буду тебя задерживать. Мне нужно понять, в какую сторону копать. Жду документы, графики, маршруты.

– Да-да. Всего хорошего, Роман.

Он уже дошёл до двери, потом остановился:

– А, да. Чуть не забыл.

Максим обернулся к Владимиру:

– Вов, дай ему.

Владимир подошёл к столу, положил передо мной десять тысяч.

Максим ухмыльнулся:

– Это тебе за «доставленные неудобства». Мелочь, конечно. Но сам виноват – решил, понимаешь, с чужой невестой куда-то удирать.

Усмехнулся в последний раз и вышел.

Владимир шагнул за ним. Хлопнула дверь – так, что по стене пошла вибрация. В углу, рядом с дверью, снова проявились трещины в штукатурке, которые я позавчера замазывал. Уже третий раз.

Элисио подошёл к этому старому, задрюпанному зданию. Когда-то он был Елисей – обычный парень, ничем не примечательный. Но стоило княжне Виктории Евгеньевне Карловой однажды назвать его «Элисио» – как всё изменилось. Она сказала это вскользь, откуда-то из своих сериалов, но имя прилипло. Погоняло стало билетом в жизнь, о которой он и мечтать не мог. С тех пор он сам себя так называл. «Елисей» умер; «Элисио» жил, сиял, пользовался кремами, ходил по салонам и носил шёлковые шарфики, когда мог.

Он слишком хорошо выглядел для простолюдина – почти как молодой аристократ: ухоженная кожа, лёгкий аромат парфюма, идеальные ногти. Всё ради хозяйки – ведь княжна Виктория ненавидела вокруг себя некрасивое. И раз уж она позволила ему быть частью своего окружения, он обязан был соответствовать.

И вот сейчас Элисио стоял перед этим... убожеством. Четырёхэтажное старое кирпичное здание. Фу. Прямо физически неприятно.

Но приказ есть приказ: сегодня он нашёл ещё одно объявление, ещё одно упоминание какого-то детектива. Хозяйка сказала: *«Все в радиусе ста километров ищут мою пропажу. Все.»* Значит – тоже Элисио ищет.

Он открыл мутную дверь, вошёл внутрь – и сразу скривился. Запах старья, клея, мокрой тряпки и дешёвого ремонта. Хотелось достать платочек и прикрыть нос, но он удержался. Слуга должен держать марку.

Поднимаясь по лестнице, он увидел, что навстречу спускается графский наследник. Элисио выпрямился, улыбнулся тем самым безупречным, выученным выражением.

– Ваше сиятельство, Максим Викторович, – произнёс он вежливо и с глубоким поклоном. – Рад вас видеть добром здравие.

Поклон был ниже, чем этикет требовал – но Элисио всегда знал, когда стоит прогнуться чуть ниже ради будущих дивидендов. Спина не сломается.

Максим лениво оглядел его:

– О, Элисио... здорово. Что у твоей хозяйки опять? Проблемы? – он обвёл рукой вокруг. – Неужели род настолько обеднел, что вы пользуетесь услугами этой захолустной дыры?

Элисио изобразил болезненную улыбку:

– Увы, ваше сиятельство, долг обязывает. Дело касается секрета рода Карловых, поэтому... сами понимаете, рассказать не могу. Но, уверяю вас, я бы и сам с удовольствием здесь бы не находился. Приказы есть приказы.

– Да понял я, понял, – фыркнул Максим. – Ладно, бывай.

Он прошёл мимо. Элисио проводил его взглядом, чуть приподняв подбородок. Род Драгомировых он недолюбливал. Может, потому что когда-то мечтал попасть к ним в услужение – стать дворецким или адъютантом. Род богатый, влиятельный, блестящий. Но вышло куда лучше: его заметила сама княжна Виктория Евгеньевна Карлова. Сначала поручила мелочи, потом сделала личным помощником.

Теперь Элисио жил как сыр в масле. И если для этого надо пройти по затхлым лестницам – он пройдёт. Ведь всех доверенных уже отправили – остался только он.

На втором этаже он нашёл нужную табличку.

«Хм, „КРАЙОНОВ“?»

Получается, внизу на вывеске под рекламным объявлением была буква «К». Значит, правильно: «КРАЙОНОВ». «Нашли же, на что расклеивать рекламу».

Он постучал.

– Да-да, войдите, – донеслось изнутри.

Элисио поправил воротник, улыбнулся своей фирменной, слегка жеманной улыбкой – и вошёл.

Когда шаги окончательно стихли за дверью, я перевёл дыхание и решил собрать воедино всё, что знаю об этой ситуации. Хаос нужно превращать в структуру – иначе я не найду её вообще.

Начнём с Элизабет. Она действительно сбежала – но не от Максима. Если бы бежала *от него*, она бы рванула прямо при нём, не оставляя кошелёк на столе. Но она наоборот вернулась в кофейню, чтобы не делать побег у него на глазах. Значит, ей перед ним стыдно. Значит, чувства у неё ещё живы. А вот от охраны она уходила намеренно: использовала меня как приманку, отвлекла разговором, создала паузу – и попыталась проскользнуть мимо. Это важно. Ради банальной измены никто не устраивает такие многоходовки. Да и при прикосновении к её кошельку я не почувствовал ни ненависти, ни отвращения к Максиму: там были страх, боль и что-то спрятанное, но не злоба на него. Выходит, она бежит не *от жениха* – она бежит *от чего-то другого*, о чём ему не может сказать.

Теперь Максим Викторович. Он её не бьёт, не пугает и не причиняет вреда – это правда. Его логика проста, как у любого влюблённого идиота: если девушка исчезает и пропадает из поля зрения, значит, она изменяет. Это не злость – это страх потерять. И здесь он мне тоже что-то недоговаривает. Может, тайна рода. Может, личная боль. Но по его словам видно: раньше у них всё было идеально. Значит, она его тоже любит. И проблема началась позже. То есть версия «она ищет приключений на стороне» просто не складывается. Здесь что-то серьёзнее. Что-то, от чего она уходит так отчаянно, но молчит.

Теперь её пропажи. Если Максим не врёт – а сейчас у него нет мотива лгать – у неё нет никакой магии, связанной с исчезновением, ускорением, маскировкой. Значит, ей либо кто-то помогает, либо она покупает тех, кто должен за ней следить. Детективы могут быть нечисты на руку, даже если контракт имперский и вносится в реестр. В договоре чётко указано: детектив обязан работать только на клиента и не получать выгоды от объекта слежки.

Но лазейки есть всегда.

Если детектив, например, «случайно» находит кошелёк с деньгами в зоне наблюдения – формально это не взятка, а находка. Закон требует сдать находку в бюро – но это уже административка, а не нарушение контракта. Даже в моём прошлом мире у евреев в Торе был прямой закон: видел, как человек уронил кошелёк – обязан вернуть; не видел, как уронил – уже находка. Божий закон, между прочим. Если даже в священных текстах есть такие дыры, что уж говорить о людях.

Есть и другой способ – передавать деньги через третьих лиц. Тогда снимает кто-то “левый”, а детектив получает свою долю уже чистой. Это тоже не прямой подкуп, и многие этим пользовались.

Я сам такими схемами заниматься не буду, но игнорировать их нельзя. Слишком уж чисто она исчезает. Если каждый до меня следивший внезапно “терял её из виду”, значит, либо она их подкупала, либо работала с кем-то, кто знает, как обходить наблюдение.

В любом случае денег здесь куда больше, чем каприз невесты. И мотив у неё точно не измена. У неё что-то горит под ногами. И по какой-то причине она не может рассказать об этом ни Максиму, ни своему роду.

Моё рассуждение прервал стук в дверь, и я громко сказал, чтобы точно услышали: – Да, да! Войдите!

Дверь распахнулась. Внутри вошёл модник, морща нос и показывая всем видом отвращение к помещению, в которое зашёл. Но как только он встретился со мной взглядом, то вежливо поздоровался и поклонился.

– Здравствуйте, господин. Это детективное агентство Крайонов? У меня для вас есть дело.

Какой прекрасный день! Два дела сразу! Да я популярный!

Глава 4

Я рассмотрел парня, который зашёл. Одет он был модно, аккуратно, правильно – всё сидело идеально. Если бы не его проблемы с эмоциями, можно было бы принять за аристократа. Но аристократы даже в стрессовых ситуациях лицо держат, а у этого взгляд скакал: сначала отвращение, потом удивление, потом попытка резко собрать вежливую маску. Это и выдавало его с головой.

На пальцах – несколько массивных, дорогих колец. Золото, серебро, камни. Видно, что вещь не дешёвая. Но перстня рода нет – и это уже говорит громче всего. Человек, который так следит за собой, будь он аристократом, носил бы родовой перстень в первую очередь. А если не носит – значит, носить нечего. Всё просто.

Я скользнул взглядом сверху вниз, собирая детали.

Белая выглаженная рубашка, такая, где стрелки на рукавах будто вычерчивали линейкой. На шее – шёлковый платок, завязанный узлом “я – эстет, смирись”.

Брюки – узкие, почти джинсы, но не совсем; скорее, те самые “слим-фит”, которые носят люди, уверенные, что у них идеальные ноги. Туфли – блестят так, что я увидел в них отражение собственного офиса. Смешно: помещение – развалина, а в его туфлях – как будто люкс-лофт.

Волосы... Господи... Гелевые, зачёсанные назад, боковые зоны выстрижены до миллиметра. Та самая модная сейчас стрижка “если дунет ветер, я умру, но зато красиво”.

Руки – ухоженные. Маникюр с бесцветным покрытием, именно тот, что стоит дороже: подпиленные, отшлифованные, кутикула убрана так, будто ноготь – произведение искусства.

Этот тип людей любит себя. И очень любит показывать, что любит себя. Но к аристократии он не относится – эмоции слишком открытые, читаемые, ни капли тренировки.

На все эти выводы мне понадобилось пару секунд. Я такие вещи схватываю быстро.

Я слегка кивнул:

– Да, вы по адресу. Слушаю вас. Какое у вас дело ко мне?

Он улыбнулся своей фирменной, нарочито вежливой улыбкой:

– Дело чрезвычайной важности, господин Крайонов.

Я ещё раз окинул его взглядом и сказал:

– Да, вы по адресу. Детективное агентство Крайонов приветствует вас. Можете присесть.

Показал на единственное новое кресло в конторе: всё остальное я покупал с рук, на Б/У-рынке – денег особо не было. Он прошёл к креслу, поморщился, будто я предложил ему повязать шарфик из прошлогодней коллекции, но всё-таки сел. До него там вообще сидел графский наследник, так что его попытка обидеть предмет мебели взглядом – мимо кассы.

Он заговорил своим слегка елейным тоном, тем самым, которым обычно подмазываются, когда хотят казаться важнее, чем есть:

– У меня к вам дело от самой княжны...

Но прежде чем продолжить, он вытащил из кармана джинсов небольшой свёрток и развернул его. Внутри – артефакт.

Я такие знал. Артефакт неразглашения.

Работает элементарно: берёт каплю моей крови, связывает клятву, и если я когда-нибудь проболтаюсь – артефакт вспыхнет, а хозяева узнают, что я нарушил слово. Дорогая игрушка, не для простолюдинов. Но раз он пришёл от княжны – для них это расходный материал.

Он посмотрел на меня вызывающе и произнёс:

– Надеюсь, вы готовы дать клятву неразглашения?

Конечно, я хотел послать его куда подальше, не самое удобное ведение дел, но вслух сказал совсем другое:

– Да, конечно. Никаких проблем. Договор между нами всё равно будет заключён официально и зарегистрирован в Имперской канцелярии. Так что вопросов с разглашением не возникнет.

– Да, это я прекрасно понимаю, – продолжал он своим неприятным, но, на удивление, мелодичным голосом. – Всё это ясно, но ситуация такая, что я уже сейчас начну рассказывать вещи, которые не должны дойти ни до чьих ушей. Вы же понимаете: дела князей – не обычные дела. Иногда они на уровне имперских.

В голове я только и подумал: *ого... что же там у княжны произошло, если они приползли именно ко мне?*

Если у них пропала иголка в траве, то они выбрали по их мнению как раз самого незамятого детектива. Откуда у него могут быть дела, если он только сегодня появился на онлайн картах. Логика железная.

Нет, серьёзно, насколько бесполезным должно быть их дело, если его поручили мне?

И ещё артефакт неразглашения припёрли. Прекрасно. Я – официальный «ищи-иглоку-в-траве» уровня «ниже плитуса». Карьера мечты.

– Да, конечно, – сказал я вслух, сохраняя профессиональное лицо. – Можете проговорить клятву, я её принимаю.

Он торжественно расправил плечи и начал стандартным текстом:

– Я, Элисио, заключаю договор крови с...

Завис на мне, ожидая имя.

– С Романом. Романом Крайоновым, – подсказал я.

Он кивнул и продолжил:

– ...о том, что он ни при каких обстоятельствах не скажет ни единой детали, прозвучавшей в моей речи, и всё, что связано...

– Стоп, – поднял я палец.

Он завис, как будто я нажал на паузу.

– По вашей формулировке я не смогу рассказать ничего никому. А если мне понадобится узнавать информацию, допрашивать людей, проверять точки, входить в контакт с объектами? Вы же понимаете: так дело вести невозможно.

Он выдохнул, слегка поморщив нос, и сказал:

– Хорошо. Переформулирую.

И начал заново.

Я остановил его жестом:

– Подождите. Давайте я сам подскажу, как это правильно звучит. А вы уже озвучьте, – сказал я.

Он приподнял бровь, как будто хотел возмутиться, но вовремя понял, что упрётся в стену. И я продолжил – спокойно, вежливо, но достаточно жёстко, чтобы до него дошло:

– Видите ли, я абсолютно уверен, что вы, несомненно, прекрасный придворный при своей княжне... но вот с ритуальными фразами для артефактных клятв, вы знакомы примерно, как корова с фортепиано. Я сейчас не хочу стрелять себе в колено из-за чужой безграмотности.

– Да как вы...

Приподнялся он и уже начал готовиться к гневной речи.

– Чшш... – Я приставил палец губам, перебивая его.

Элисио уставился так, будто впервые кто-то его заткнул, и что он может оказаться неправым.

Я чуть развёл руками:

– Понимаете, если произнести клятву в той формулировке, которую вы выдали... я потом даже «мама» вслух сказать не смогу, если это слово случайно коррелирует с делом. Артефакт ведь работает тупо: «разглашение есть разглашение». Он не разбирает – по делу я говорил, по

ходу дела, случайно в разговоре или просто выругался. Нарушение – и всё. Камень загорелся, сигнал ушёл – и ко мне в офис, с моими стульями БУ, сразу же приезжают ваши княжеские дружинники разбираться.

Я сделал паузу, чтобы он прочувствовал картину.

– А я, знаете ли, мужчина не самый слабый, но сравнивать меня с личной дружиной княжны – такое себе. Один на один – ещё могу, один против трёх – с натяжкой, но можно. А вот если их пятеро приедет... ну, они меня свернут, как дешевую раскладушку. Не то чтобы я против приключений, но не в формате «меня бьют, потому что какой-то придурок неправильно формулирует магическую клятву».

Он сглотнул. Выражение лица стало более внимательным – наконец-то понял, что ошибка здесь дорого стоит.

– Поэтому, – продолжил я уже спокойнее, – формулировка должна быть чёткой. Чтобы клятва фиксировала: я не могу использовать информацию *во вред роду*, но могу использовать *внутри самого дела*, чтобы это дело расследовать. Я должен иметь право спрашивать, допрашивать, наводить справки, связываться с людьми, которые вообще ничего о княжеских секретах знать не должны. Это нормальная рабочая практика. Если запретить мне говорить – то расследования не будет. Будет цирк.

Я указал на артефакт:

– Так что давайте ещё раз. Но уже правильно.

Он выдохнул, кивнул, поднял артефакт и произнёс – уже аккуратно, по моей формулировке:

«Я, Элисио, действуя по поручению княжеского рода Карловых, заключаю договор крови с детективом Романом Крайоновым.

Обязуюсь передать ему сведения, относящиеся к делу.

Он, Роман Крайонов, обязуется не использовать полученную информацию во вред роду Карловых.

Вся информация, полученная в ходе поручения, может быть использована им исключительно в рамках расследования: для поиска, проверки фактов, общения с третьими лицами и установления истины.

Разглашение сведений допускается только в объёме, необходимом для работы.

Намеренное разглашение информации, наносящее вред роду Карловых, считается нарушением клятвы».

Я приложил палец к небольшой иголке, которая проявилась после последних ритуальных слов. Почувствовал не большой укол. Артефакт вспыхнул мягким золотистым огнём – договор принят.

– Ну и славненько, давайте теперь перейдём к делу. Вы уж не обижайтесь за мою грубость, просто поймите меня как специалиста: я не очень бы хотел ограничивать свою возможность общаться с людьми.

Он попытался что-то вставить, но я перебил:

– Нет, не спорю, вы знаете детективов как шпионов, которые следят за людьми, но иногда всё-таки требуется и разговаривать с другими.

Я перевёл дыхание, уловил в его взгляде лёгкое понимание и решил чуть разрядить обстановку:

– Ну и сами понимаете: я человек, который любит кофе. И как я его закажу, если наш с вами договор на крови зафиксирует моё молчание? Полное моё молчание.

Он, конечно, расстроился, но решил продолжить:

– У княжны украли кота.

Я едва не вышел в окно, но вслух спросил:

– Что? Кого украли?

– Кота, – подтвердил он. – Вот фотография.

Он протянул снимок. На нём – абсолютно чёрный котёнок, только крошечное белое пятнышко на груди ровно по центру. Как будто миниатюрная бабочка. Настолько миниатюрная... выглядело это... так мило. Я аж испугался собственных мыслей.

– А почему не позвонить в отлов животных?

Он вспыхнул яростью:

– Как вы смеете?! Это котёнок! Это Феликс, кот самой княжны! Она его очень любит, и она не потерпит, чтобы его нашли какие-то живодёры из отлова. Поэтому мы и наняли всех детективов в округе, чтобы они его нашли.

Я сделал вид, что воспринимаю это со всей серьёзностью вселенной, но внутри только спросил себя: *Княжна, котёнок, артефакт крови...*

– Ну... вы меня, конечно, простите, но у меня сейчас есть другое дело, – сказал я. – Наверное, котами пусть лучше займутся мои коллеги.

Он резко вскинул подбородок:

– Как хотите. Награда за котёнка – сто пятьдесят тысяч рублей.

– Я согласен! – хлопнув ладонью об стол, я даже слегка приподнялся.

Он чуть дёрнулся назад – моё резкое движение его, видимо, напугало.

Но сто пятьдесят тысяч... мать его, сто пятьдесят тысяч за котёнка.

Да за такие деньги я им двадцать пять котят найду – и у каждого будет эта маленькая «бабочка» на груди.

– Ладно, – сказал я. – Заключим договор. Какие сведения у вас есть?

– Сведений почти нет, – поморщился он. – Он пропал вчера вечером и больше не появлялся.

– Может, просто гуляет? – спросил я.

– Никогда! – вспыхнул он. – Он не выходит. Всегда рядом с госпожой. А если её нет, то в своей комнате. Мы обыскали всю его игровую – около ста пятидесяти квадратов – и его нигде нет. Все слуги уже подняты на уши.

– А не вы ли его украли? – спросил я максимально невинно.

Он дёрнулся так, будто получил под дых. Но это не было движением человека, который пытается скрыть правду. Это была чистая искренняя обида. Брови вверх, глаза округлились, губы дёрнулись от оскорбления – реакция слишком быстрая, слишком открытая, чтобы быть ложью.

– Нет, конечно! – вспыхнул он. – Вы как вообще смеете такие вопросы задавать?!

Идеально. Ни ухода взгляда, ни покосов в сторону, ни паузы перед ответом. Чистая эмоция – возмущение, а не страх. Значит, не врёт. Его действительно задел сам факт подозрения.

– Попробовать стоило, – спокойно бросил я.

Он кипит, но это не нервозность виновного – это вспышка человека, которого просто выбили из привычной позиции. Именно ради этого я и вёл себя так весь разговор: перебивал, жёстко обрезал, сбивал тон. Таких проще читать, когда их выбиваешь из равновесия. На эмоциях любая микродеталь видна лучше – жест, дыхание, поворот головы, то, как двигается челюсть.

Если бы он был замешан хоть на секунду, я бы это увидел. Но нет – реакция честная, прямая, даже слишком. Минус один подозреваемый.

– Ну, тогда давайте я сейчас распечатаю договор. В принципе, у меня до вечера дел нет, поэтому можем съездить на место обитания котёнка – я всё должен осмотреть.

Тут он уже меня перебил:

– Вы уж извините, что перебиваю, но у нас запланирован график посещений. Ваша очередь стоит аж через неделю, в семь часов сорок две минуты утра...

И вот тут меня чуть инфаркт миокарда не схватил. Через неделю этот кот либо сам вернётся, либо уже сдохнет от голода. Все таки княжеский, а не дворовый Мурзик. Эти не приучены.

Мне нужно именно сейчас туда попасть, пока другие детективы и сыщики не облапали предметы. И не заменили эмоции тех, кто мог быть причастен к похищению.

Если похититель действительно есть, я смогу почувствовать его эмоции и хотя бы понять мотив. А мотив – половина пути. Остальное по накатанной.

– Смотрите, – я открыл ящик стола и аккуратно положил перед ним кольцо. – Вы хотите отказать аристократу в его желании поехать прямо сейчас? Не думаю, что среди остальных детективов у вас много аристократов.

Да, это блеф. Да, игра. Документов у меня пока нет. Но все знают: аристократы редко занимаются сыском. Я знаю всего пару исключений – и ни одного в Серпухове. Так что сейчас именно тот идеальный момент, чтобы использовать это бесполезное кольцо.

Он уставился на перстень. Глаза расширились. В лице – тот самый микрожест, который я уже видел: *«так и знал»*. Взгляд у него в прошлый раз изменился именно из-за лица – профиль у меня аристократический. А теперь он увидел кольцо, точка сошлась, парень успокоился.

– Тогда... господин Роман, – сказал он уже мягче. – Я попробую согласовать это с охраной. Мне нужно сделать пару звонков. А вы пока можете подготовить договор.

Пока принтер тащил первый лист, я в который раз вспомнил, почему вообще купил этот древний комплект «принтер + сканер» с рук.

Любой договор по правилам нужно было хранить в Имперской канцелярии – а значит, каждую бумагу приходилось не только подписывать вручную, но и отправлять туда в цифровом виде, заверяя электронной подписью. Её выдавали вместе с лицензией детектива – маленькая флеш-карта с ключом. Без неё ни одно дело нельзя было зафиксировать как официальное.

Раньше, во время сбора документов для получения лицензии, я носился в копицентры: печатать за их конские тарифы, сканировать за ещё более конские. А они там любят делать вид, что совершают подвиг: «Ну, давайте вашу бумагу... ооо, у нас очередь...» Да ещё и флешку навязывали «новую, фирменную» за полторы тысячи, когда мне нужна была просто копия договора.

В итоге я плюнул, купил бу-шный сканер за две с половиной – и теперь весь процесс занимал пару минут. Принтер ворчит, сканер хрипит, зато всё под рукой. Скан – в канцелярию, подпись – на договор, и бумага сразу становится официальной.

Если клиент нарушит условия, я имею право обратиться к канцелярии, и они откроют на него дело. Если нарушу я – наоборот. Всё честно, всё фиксируется.

Как раз, когда вылез последний лист договора, Элисио вернулся уже с широкой служивой улыбкой:

– Всё согласовано. Сейчас подписываем договор и сразу едем. У нас будет ровно час, чтобы вы всё осмотрели. Мы подвинули одного из... не очень крупных детективов.

– Отлично. Давайте подпишем – и выдвигаемся.

Мы подписали договор и спустились вниз.

У выхода уже стоял чёрный блестящий внедорожник с родовым гербом **Карловых** – крупный, аккуратно выгравированный знак на решётке радиатора. Машина выглядела так, будто её только что отполировали: ни пылинки, ни царапины.

Салон внутри оказался ещё богаче. Дорогая кожа, мягкая, тёплая на ощупь, аккуратные прошивки, качественный пластик – всё в лучших традициях аристократических авто. Ничего нового: в моём прошлом мире богатые тоже любили комфорт.

Но одно меня всё-таки удивило – на каждой спинке сиденья красовалась вышитая большая буква «Э».

И тут я невольно подумал: *а неужели этот внедорожник принадлежит самому Элисио?* Либо он выслужился так, что ему доверили личную машину княжны... Либо «служба» у него куда шире, чем просто подавать пальто и носить сумки.

Мы сели. Двери мягко захлопнулись.

По дороге Элисио рассказал еще несколько деталей дела. После того, как записи на видео камерах оказались чисты, они сразу отменили версию, что котенок убежал сам, и в тот же момент подключили всех детективов Московской области.

Преступник поработал мастерски, не оставив никаких следов и зацепок.

Уже подъезжая к воротам, он вдруг сказал:

– Большая просьба... можете вести себя чуть менее резко? Госпожа... если она сейчас дома... – он замялся, будто ему стыдно, что он не уверен, где она. – Она любит всё красивое и аккуратное.

– Да, конечно, без проблем, – ответил я.

Мы въехали на территорию поместья.

Ну вот и начинается моё второе дело. Даже раньше, чем первое.

Дело о пропаже кавайного черного котенка – начато.

Глава 5

Мы въехали на территорию поместья.

Элисио сидел рядом со мной так, будто это его личные земли и он просто вернулся с недельного отпуска. Я устроился у окна, а он – у противоположного, оставив середину свободной, как будто мы два министра, а между нами должно сидеть важное решение судьбы государства. Он чуть откинулся назад, закинул ногу на ногу, поправил стрелку на брюках и посмотрел на своё отражение в тёмном стекле, будто проверял, не потускнела ли, случайно, аристократическая аура.

– Вон то дерево, – неспешно сказал он, ленью даже не попахивало, скорее демонстративная неспешность. Кивок был лёгким, почти ленивым, в сторону бокового окна. – Привезли с юга. Специально. Землю – тоже. Там свой микроклимат нужен.

Я перевёл взгляд. Дерево и правда выбивалось из общей картины. Ствол чуть закрученный, крона вытянутая, листья много, но она не «наша» – форма листьев другая, цвет другой, слишком густой, насыщенный. Вокруг – ровный круг почвы, метров пять в диаметре, отделённый от газона узкой каменной полосой. По краю полосы шли небольшие металлические направляющие, утопленные в камень.

– Микроклимат? – переспросил я. – Серьёзно?

– Вы не представляете, Роман, – оживился Элисио. – Купола со всем необходимым для этого, есть только у нас, в Императорском ботаническом саду и ещё у пары княжеских родов на севере. Стекло с покрытием, внутри датчики температуры, влажности, циркуляции воздуха. Зимой сюда ставится конструкция по этим направляющим. Видите пазы? – он чуть наклонился вперёд, показывая пальцем. – Секция за секцией. Собирают ночью, чтобы солнце не мешало, и чтобы не глазели лишние люди.

Я прищурился. Направляющие и правда были – узкие, аккуратные, как рельсы для невидимого аквариума.

– Интересно, кто всё это таскает, – пробормотал я. – И сколько людей матерится, пока собирают.

– Профессионалы, – с лёгкой гордостью сказал Элисио. – Специальная бригада. И, между прочим, без мата. Здесь стараются обходиться без звуков, которые портят атмосферу.

На языке собралась куча матерных слов. Даже у дерева есть слуги, а я – аристократ, езжу на общественном транспорте. В слух я, конечно же, ничего не сказал, а только учтиво кивнул.

Дорога медленно уходила вглубь территории, и машина двигалась по ней с тем же выверенным спокойствием, что и мой сопровождающий. С двух сторон начинались газоны – не просто «зелёная трава», а вылизанные до абсурда ковры. Цвет ровный, густой, без проплешин. Никаких сорняков, никаких случайных жёлтых пятен. Где-то дальше по склону виднелись ещё несколько подобных кругов с редкими деревьями, каждое со своей полосой камня и потенциальными пазами под стекло.

– Эти кусты... – продолжил Элисио, переключаясь на другой арт объект. – Формировали вручную. Видите линии? Это почерк княжны. Она любит, когда всё подчинено ритму. Каждый изгиб согласован, каждая дуга утверждена.

Я посмотрел на кусты. Да, ритм там был. Живые изгороди шли ровными волнами, полукругами, местами складывались в геометрические узоры.

«Оркестр позавидовал бы, – отметил я. – Особенно тот, где дирижёру платят меньше, чем местному садовнику.»

– Она сама выходит смотреть? – уточнил я.

– Конечно, – голос у Элисио стал мягче. – Не каждый день, но да. Иногда может остановить рабочего, показать, где линия ушла на три сантиметра не туда. Видите вон тот угол? Его переделывали три раза.

Я посмотрел туда, куда он кивнул. Для обычного человека – просто аккуратный поворот живой изгороди. Для княжны, судя по всему, – локальная трагедия перфекциониста.

– Конечно любит, – буркнул я. – При таких ресурсах можно любить и ритм, и симфонии, и горы из мрамора.

Он сделал вид, что я ничего не сказал. Хотя услышал он всё прекрасно, просто спорить с фактом наличия ресурсов смысла не видел. Пальцем машинально поправил свой идеальный платок.

По пути мелькали фонтаны. Один классический – круглый, с чашей и струйками, другой – вытянутый, с низкой стенкой, третий вообще выглядел как перевёрнутый куб, из которого вода стекала ровными гранёными плоскостями. В одном из прудов плавали декоративные рыбы, в другом у берега торчали искусственно разложенные валуны.

Между отдельными зонами шли узкие пешеходные дорожки – светлый камень, слегка шероховатый, чтобы не скользить, с вкраплением небольших фонарей по краю. Я заметил пару невысоких столбиков с камерами – аккуратно замаскированных под фонари. Линзы были мелкими, но их хватало.

– Это камни из Китая. Настоящие, – с явным удовольствием произнёс Элисио, когда машина по дуге обогнула мини-горку. – Их привозили по одному, в специальных контейнерах. Удар – и всё, рисунок на поверхности портится. А у нас княжна терпеть не может испорченный рисунок.

Холм перед нами был действительно как маленькая гора. Метров шесть высотой, с террасами, по которым можно было пройти, и с небольшой площадкой наверху. Тропа поднималась змейкой, а у подножия стекал вниз узкий ручей – вода тихо бежала по каменным ступенькам, собираясь в мини-водоём. По краю холма были вмонтированы почти незаметные светильники.

– Его собирали два месяца, – продолжал Элисио. – Каждая каменная плита подписана. Если что-то нужно снять – знают, куда вернуть. Корней у холма, правда, нет, но иллюзия создаётся.

«Иллюзии тут в принципе умеют показать, – отметил я. – В том числе и социальные.»

Мы ехали минут десять, хотя я бы поклялся, что прошло все двадцать. На такой территории можно было бы легко открыть свой отдельный микрорайон, построить три детсада, школу и пару неприметных торговых центров. А они построили парк... один парк. Почему бы и нет. В одном месте я заметил что-то вроде открытой веранды: огромная площадка под навесом, со столами, креслами и ещё одной линией фонарей. Отличный зал приёмов на воздухе.

Дом более детально я разглядел после очередного поворота. Огромный, светлый, в стекле и камне, он выглядел даже не современным – концептуальным. Белый камень фасада был местами матовым, местами отполированным до мягкого блеска, стеклянные вставки собирали в себе отражения неба и деревьев. Колонны тянулись вверх, подхватывая крышу, между ними – широкие витражные окна.

Если смотреть внимательнее, по краям крыши можно было различить выступы, которые когда-то явно служили постаментами для статуй или горгулий. Сейчас там стояли аккуратные металлические пластины и декоративные светильники.

«Старое спрятали, новое поставили, – отметил я. – Аккуратно, дорого, но швы всё равно видны, если знать, куда смотреть.»

Терраса тянулась вдоль всей передней части дома. Широкая, с каменными перилами, ступенями через каждые несколько метров, удобными для того, чтобы выйти, встать, принять

гостей. Здесь легко можно было провести свадьбу на несколько сотен человек, и обслуживающий персонал бы не спотыкался друг об друга.

– Красиво? – спросил Элисио, когда машина замедлилась и стала подниматься по полукруглому подъёму к ступеням.

– Если честно... отлично, – сказал я. – Я бы и сам тут жил.

Он улыбнулся, довольный, словно это был его личный дом, и, кажется, даже чуть выпрямился, когда водитель мягко притормозил у входа. Сначала открыл дверь ему, он вышел легко, почти с театральным полуповоротом, потом – мне.

Воздух снаружи был чуть прохладнее, чем в машине, но всё равно комфортным. Где-то сбоку тихо шуршала система вентиляции, спрятанная за декоративной решёткой. Сразу у входа начиналась широкая лестница, ступени из светлого камня были закрыты мягкой дорожкой благородного бордового оттенка. Не ярко-красной, не доводящей до цирка, а ровно такой, чтобы человек, поднимающийся вверх, чувствовал себя важным, но не клоуном.

Охрана у входа уже ждала. Два здоровых мужика с ручными металлоискателями. Не рамка, а именно палки – быстрее и конкретнее. Форма другая, чем у охраны у ворот. Там главной обязанностью была безопасность и охрана – тут показной статус, там бронежилеты и огнестрел, тут классика и металлоискатели. Костюмы хорошо сидели. Видно, пошиты на каждого ровно по меркам, галстуки одинаково завязаны, на лацканах – небольшие значки с гербом. Один стоял чуть впереди, держал сканер и смотрел прямо, второй – с планшетом в руках, в лёгкой полутени колонны.

– Документы, – без лишней интонации сказал тот, что с планшетом.

Ну здравствуй, дежавю. У ворот спрашивали то же самое. Уверен, обо мне уже доложили, но протокол – есть протокол.

Я достал удостоверение детектива – свежее, пластиковое, с аккуратной ламинацией. Охранник взял документ аккуратно – двумя пальцами, на секунду поднёс ближе к лицу, чтобы рассмотреть, и тут же сравнил схожесть с фотографией. Снова дежавю. Словно опять покупаю сигареты на кассе в моем прошлом мире. Хорошо, что здесь я избавился от этой привычки. Не хватает только, чтобы он крикнул «Галя отмена», и схожесть будет сто процентной.

Он кивнул сам себе и начал что-то вносить в планшет.

– Роман Крайонов, частный детектив, – проговорил он полу-вслух, больше для записи, чем для меня.

Ни уважения, ни явного скепсиса. Просто галочка в системе.

Сканер коротко пикнул – и остановился на моём левом кармане.

– Предмет металлический, – констатировал второй охранник, слегка шагнув ближе.

Я уже сам почувствовал, как внутренне скрипнуло.

Нож.

– Твою ж... – пробормотал я себе под нос. – Забыл выложить.

Вытащил перочинный нож – маленький, складной, вполне безобидный на фоне той же кухонной утвари. Лезвие короткое, ручка тёмная, без украшений.

Мысленно дал себе подзатыльник. «ФСБшник, профайлер, а элементарные протоколы безопасности сам нарушаешь. Браво, Роман.»

– Оставьте здесь, – сухо бросил охранник. – Заберёте на выходе.

Он указал на маленький металлический лоток на столике рядом.

– Зайчик, ну давай быстрее, – тихо сказал Элисио одному из охранников, не удержавшись от привычного панибратства. – Нас ждут великие дела.

Охранник чуть дёрнул щекой, но промолчал. Порядок есть порядок, даже если тебя «зайчиком» называют при гостях.

Мы поднялись по ступеням. Ковровая дорожка под ногами была чистая до абсурда, ни песчинки, ни пятнышка. Внутри, за тяжёлыми дверями из тёмного дерева с латунными вставками, нас встретил вестибюль.

Он был высоким, светлым и таким просторным, что эхо там могло бы устраивать собственные марафоны. Свет лился через верхние стеклянные панели, отражался от стен из бежевого камня и мягко рассеивался по залу. Справа стояли два дивана, обитые светлой тканью, между ними – низкий столик с журналами. Слева – стойка, за которой кто-то проверял какие-то бумаги, но нас это не касалось.

Воздух был на удивление спокойным. Никакого резкого запаха, только лёгкий фон какого-то дорогого ароматизатора – ни цветы, ни цитрус, что-то нейтральное, специально подобранное, чтобы не мешать. Если бы не знал, где нахожусь, подумал бы, что попал в дорогой отель.

Взгляд сам собой потянулся дальше, в глубину. Там начинался длинный коридор, и вдоль него, по обеим сторонам, висели портреты.

– Род Карловых, – начал пояснять Элисио, как только мы сделали первые шаги вперёд. Голос у него стал чуть громче, но по-прежнему мягким, как будто он читал экскурсию для избранных. – Здесь прадед действующего князя. Здесь его брат – основатель одного из северных гарнизонов. Вот эта дама – знаменитая благотворительница, XVII век, разумеется.

Портреты выглядели так, будто их написали вчера. Нет ни потускневших красок, ни трещин лака. Рамы – широкие, позолоченные, каждая со своим узором. Люди на них смотрели не просто строго – изучающе. Как будто задавали один вопрос: «Ты точно понимаешь, куда вошёл?»

Я наблюдал за лицом Элисио. Он говорил уверенно, плавно, но когда упоминал «действующего князя», плечи у него едва уловимо напрягались. Небольшая задержка дыхания, чуть более короткое слово – привычные мелочи, по которым когда-то приходилось собирать профили целых допросных комнат.

Мы свернули направо. Стены сменили гладкий камень на более тёплую комбинацию: дерево, вставки из металла, местами – стеклянные витрины с какими-то наградами и сувенирами. Где-то на стыке коридоров я заметил маленькую камеру в углу потолка. Ещё одну. Ещё. За нами наблюдали аккуратно, без паранойи, но постоянно.

Прошли мимо пары дверей, и одна из них была приоткрыта. Внутри оказалась кладовая корма. Я невольно замедлил шаг и заглянул внутрь.

Стеллажи до потолка. Ряды коробок, мешков, банок, пакетиков. Разные размеры – от маленьких паучей до огромных мешков по десять-пятнадцать килограммов. Печать брендов мелькала перед глазами: премиальные, лечебные, «для чувствительного пищеварения», «для котят до года», «с индейкой», «с кроликом», «с лососем». Раскладка была аккуратной, но в одном из рядов пару коробок поставили чуть неровно, как будто кто-то торопился.

– Ого, – выдохнул я. – У меня ощущение, что здесь кормят батальон котов.

– Княжна любит животных, – смущённо сказал Элисио, чуть поправляя лацкан. – Закупает всё с запасом. Чтобы ни в чём не было недостатка. И да, иногда... – он чуть скривился, – иногда, возможно, слишком большим запасом.

«Живёт котёнок лучше, чем половина города, – отметил я. – По крайней мере, в плане питания.»

Я подошёл к ближайшему стеллажу. На верхней крышке одной из коробок не было ни пылинки. Картон был чуть вдавлен на одном углу, как будто сюда не так давно опирались рукой. Провёл пальцами по крышке, словно просто выравнивая её.

Маленькая вспышка.

Усталость. Давящая на плечи, как эти же коробки.

Вывод.

Раздражение – не на кота, не на княжну, а на сам факт таскания тяжестей. Опять это всё перетаскивать... хоть бы кто-нибудь помог. Кому столько надо, он у нас один, этот котёнок...

Бытовые эмоции. Мелкие, честные, шершавые на ощупь. Никакой драмы. Просто чей-то рабочий день.

Я двинулся дальше вдоль стеллажа, на секунду коснулся пальцами другого пакета – там эмоций почти не было. Старый запас. Слой пыли это только подтверждал.

– Ладно, – сказал я. – Пошли дальше. А то я начну сочувствовать кладовщику больше, чем самому Феликсу.

– Кладовщик получает достаточно, – автоматически ответил Элисио.

Мы вышли в коридор, повернули налево, прошли пару шагов. Свет здесь был чуть теплее, чем у входа, жёлтый оттенок создавал иллюзию уюта. Пол – всё тот же камень, но с мягкими ковровыми дорожками. По стенам – пару декоративных панно, уже без портретов.

Элисио остановился у высокой двери с латунной ручкой. Дверь была чуть массивнее остальных, с аккуратными резными панелями. Латунь на ручке блестела, но при ближайшем рассмотрении можно было заметить небольшие микроскопические царапины – значит, её всё-таки трогают руками, а не только протирают в перчатках.

Он выдохнул, встряхнул кистью, поправляя манжет, и открыл дверь с жестом человека, привыкшего к театральным паузам.

Он открыл её – и я замер.

– Да твою ж...

Я бы и сам здесь жил.

Глава 6

Дверь мягко ушла в сторону, и я будто попал на выставку, посвящённую одной конкретной теме: «Котёнок как центр вселенной». Комната была прямоугольная, метров сто пятьдесят, не меньше. Я автоматически отметил размер – по площади сюда можно было бы впихнуть мой офис, кофейню напротив, пару соседних кабинетов и ещё оставить уголок под склад. Здесь же всё это было занято... котом. Точнее, тем, что ему предназначалось.

Пол шёл мягкими перепадами, как миниатюрный ландшафт. Где-то – низкие горки, покрытые искусственной травой, где-то – «скальные» выступы с мягким покрытием под камень. Между ними тянулись тоннели: тканевые, пластиковые, какие-то сложные конструкции с несколькими выходами. Над головой – подвесные «мостики», полки и домики, по которым любой нормальный кот мог бы устроить себе маршрут выживания, тренировку на ловкость и вечернюю прогулку одновременно.

Слева – целая стена домиков: круглые, квадратные, двухэтажные, с лестницами, с мягкими подушками внутри. Всё в одном тоне – спокойные серые, бежевые, приглушённые зелёные. Ни единого крикливого цвета, ни одной случайной детали. Даже мышки на верёвочках были в единой гамме, будто дизайнеру выдали палитру и сказали: «Вот это – мир кота. Всё остальное – за забором».

Я сделал пару шагов вперёд и поймал себя на том, что открываю рот. Закрыв обратно – не хватало ещё стоять с выражением «деревенский родственник на даче у олигарха».

– Нравится? – голос Элисио прозвучал где-то сбоку, довольный, как у экскурсовода, который только что показал главный экспонат музея. – Княжна очень серьёзно относится к комфортному пространству для Феликса.

– Я вижу, – сказал я. – Могу только посочувствовать тем, кто проектировал. Здесь, кажется, даже воздух подчинён концепции.

Воздух и правда был странный. Ни запаха мочи, ни характерной «кошачьей» ноты, которую не всегда перекрывает даже лучший наполнитель. Пахло чем-то очень слабым, нейтральным, чем-то вроде дорогого фильтра для кондиционеров: чисто, но без конкретики. Если бы мне сказали, что здесь рекламируют систему вентиляции, я бы тоже поверил.

Я прошёл вдоль ближайшей горки. На склоне – имитация кустов, мягкие «камни», по которым удобно карабкаться. Сбоку – вделанный в стену широкий лежак, обтянутый тканью, которая выглядела подозрительно знакомой. Пальцы сами потянулись потрогать.

Шёлк. Не «как шёлк», а настоящий. В прошлой жизни, до Империи, я знал людей, которые годами копили на платье из подобной ткани. Здесь на ней спал котёнок. Когда-то спал.

– Ткань заказывали отдельно, – с гордостью сообщил Элисио, заметив, куда я смотрю. – По образцу. Княжна хотела, чтобы Феликсу было мягко, но не душно.

«Конечно, – подумал я. – Главное, чтобы коту было не душно...».

Я медленно обходил комнату по периметру. Игрушки. Столбы для когтей. Подвесные тоннели. Несколько лазов, уходящих в стены – наверняка в соседние «секретные» уголки. Всё это было выстроено так аккуратно, что у меня невольно зачесались руки: хотелось найти хоть одну криво повешенную мышку, один перекошенный домик, одну царапину не там, где её ждали. Но комната была почти стерильной. Слишком стерильной.

– Здесь... убирались после того, как заметили пропажу? – спросил я, не отвлекаясь от осмотра.

– Конечно, – кивнул Элисио. – Сначала искали. Очень долго. Потом, когда стало ясно, что Феликса нет, комнату привели в порядок. Княжна не любит хаос.

«Отлично, – спокойно отметил внутренний голос. – Тот редкий случай, когда идеальная уборка – главный враг следствия».

Я остановился у подвесного мостика, провёл рукой по деревянной планке. Ничего особенного: гладко, ухоженно, без заусенцев. Внутри – глухо. Пара попыток на других предметах дали тот же результат: эмоции смешались в один фон. Напряжение, тревога, усталость – печать людей, которые здесь всё переворачивали.

– Сколько человек здесь искали? – спросил я.

– Много, – поморщился Элисио. – Нянечка Феликса, две девушки, которые помогают ей по дому, пара охранников, потом ещё дворецкий и старшая горничная. Все по очереди. Княжна была... очень расстроена. Никто не хотел оказаться крайним.

По его тону было видно: «очень расстроена» – мягкая формулировка. Я подошёл к одному из тоннелей, коснулся края. Та же волна: вспышка тревоги, раздражение, усталость. Безличная, как фон. Когда эмоций слишком много и от слишком большого количества людей, они превращаются в один большой шум. Разобрать в нём отдельный голос сложно.

– У вас есть кто-то, кто отвечает именно за эту комнату? – уточнил я. – Один человек, не бригада.

– Да, нянечка, – коротко ответил Элисио. – Она проводит с Феликсом больше всего времени.

– Где она сейчас?

– В комнате охраны. Там... разбираются. Князь хотел, чтобы ей задали несколько вопросов при специалистах. На всякий случай.

Я кивнул. «На всякий случай» в таких домах обычно означало: «Мы знаем, кто будет виноват, если не найдём настоящего виновника».

Я ещё пару минут ходил по комнате, старательно прикасаясь к тем местам, где, как мне казалось, могли быть следы именно кота: любимые лежанки, переходы, уголки, где он, вероятно, прятался или играл. Но Феликса здесь не было уже давно – настолько, насколько «давно» может быть пару часов. Его присутствие успели размыть чужие руки, чужая паника, чужая суета.

Эмоции животных были схожи с человеческими и так же мне доступны.

– Хорошо, – сказал я, наконец отойдя от очередного домика. – Здесь я вряд ли найду что-то полезное. Слишком много людей уже постарались.

– Вы уверены? – удивился Элисио. – Это же основное место, где он жил, спал, играл...

– Вот именно, – спокойно ответил я. – Основное место, которое первым перевернули вверх дном. Все, кому было страшно попасть под гнев княжны. Любые следы, которые могли здесь быть, размазаны.

Я сделал паузу и добавил:

– Мне нужны еще помещения, которые связаны с котёнком, не только на прямую, но и косвенно. К примеру, склад, который мы проходили.

Элисио задумался буквально на секунду.

– Есть ещё маленькая комната, где он иногда отдыхал, когда бывал наверху, – сказал он. – Но она сейчас закрыта. Ей давно не пользовались. И есть кладовая с кормами. Туда он сам не ходил, но...

– Но туда ходят люди, которые его кормят, – закончил я за него. – Начнём с кладовой.

Он хотел было что-то возразить, но передумал. Вдохнул и кивнул:

– Как скажете, господин Крайонов. Следуйте за мной.

Покидая царство кота, Элисио устал и вздохнул. Этот маршрут будет для него постоянным следующие несколько дней, а может даже недель.

Мы вернулись в кладовую.

Комната оказалась не такой уж большой по местным меркам, но при этом способной прокормить небольшой кошачий батальон. Стеллажи стояли вдоль двух стен – слева и справа, от

пола до потолка. На полках – коробки, мешки, пакеты, банки. Разные формы, объёмы, материалы. От аккуратных жестяных баночек до тяжёлых картонных коробок, обмотанных скотчем.

В центре – узкий проход, по которому мы с Элисио могли пройти только по одному. Он тактично пропустил меня вперёд, оставаясь у двери.

– Итак, – сказал я. – Расскажите, что здесь и как устроено.

– Справа – основная линия кормов, которые Феликс получает сейчас, – отозвался он. Видно было, что эти вещи он рассказывает не первый раз. – Внизу – то, что даём редко, но ещё используем. Посередине – его обычный рацион. Наверху – запасы. Когда что-то заканчивается, мы спускаем сверху вниз.

Он показал рукой на левый стеллаж:

– Здесь – специализированные корма. Для разных случаев. Если, например, начинается линька, используется определённое питание. Если вдруг появляются проблемы с пищеварением, есть лечебные варианты. Весенние, успокаивающие, витаминные добавки. Всё подписано, систематизировано. Княжна не любит хаос, вы уже могли заметить.

– Мог, – подтвердил я. – Даже слишком.

Я сделал шаг к правому стеллажу. На уровне пояса – ряд знакомых упаковок: глянцевые пакеты с однообразной типографской улыбкой кота, банки с картинками, которые я видел не только в Империи, но и в своём мире. У меня у самого был кот. Наверху – большие коробки, обмотанные лентами с логотипами. Внизу – что-то менее привлекательное: серые, небрендируемые пачки, лечебные корма, на которых главная задача – не упаковка, а состав.

– Кто сюда имеет доступ? – спросил я, проходя вдоль.

– Нянечка Феликса, две девушки, которые помогают ей, иногда дворецкий, если нужно проверить поставки, – перечислил Элисио. – Охрана сюда не ходит, уборщицы тоже только по необходимости.

– Понятно.

Я достал из внутреннего кармана перчатки. С виду – обычные, тёмные, плотные. Но на ладонях – маленькие аккуратные прорезы. Снаружи их почти не видно, внутри пальцы чувствуют поверхность так, как будто трогают её напрямую.

– Вы опасаетесь оставить отпечатки? – уточнил Элисио, с чуть заметным интересом наблюдая.

– Я хочу оставить порядок, – ответил я.

Я встал лицом к правому стеллажу, провёл глазами по ряду. Внешне всё было логично: марки совпадают, объёмы выстроены по размеру, цвета упаковок образуют ровные линии. Глаза видели порядок. Но глаза – только полдела.

Пальцы легли на нижний ряд. Я медленно повёл рукой вдоль упаковок, едва касаясь поверхности. На каждом пакете задерживался буквально на долю секунды. Шорох, шорох, шорох... Внутри – мелкие вспышки. Усталость. Небольшое раздражение. Скука. Всё то, что испытывает человек, который в десятый раз за день таскает тяжёлые коробки, подписывает накладные, раскладывает всё по местам.

Я не фиксировал каждую эмоцию отдельно. Мне был важен общий фон. В состоянии покоя человек обычно живёт в одной-двух эмоциях одновременно. В состоянии рутины – в тех же самых, только слабее. В состоянии стресса – эмоций становится больше. И чем их больше, тем громче они звучат через предмет.

Сейчас фон был ровным. Немного раздражения, немного усталости – и всё. Правый стеллаж жил обычной жизнью склада.

– Вы всегда раскладываете всё так, как сейчас? – спросил я, не оборачиваясь.

– Да, – уверенно ответил Элисио. – Я иногда лично проверяя...

«Ну да, – подумал я про себя. – Не ради порядка ты это делаешь, а в следствие безделья и доноса на других, чтобы выслужиться перед княжной. Не удивлюсь, что благодаря такому, ты и стал личным помощником. Идти по головам это про тебя».

Я поднял руку выше, к уровню глаз. Там, где стояли те самые банки и пакеты, которые Феликс получает сейчас. Пальцы снова пошли вдоль, слегка касаясь поверхности.

Усталость. Немного лёгкого удовлетворения – «всё стоит красиво». Чуть-чуть заботы, почти незаметной. Лёгкая тревога. Но всё в пределах нормы. Ничего, за что можно было бы зацепиться.

Я сделал шаг назад и повернулся к левому стеллажу. Здесь уже было интереснее. Упаковки более строгие, местами – откровенно медицинские. Цвета приглушённые, шрифты маленькие, инструкции длиннее.

– Здесь чаще копаются? – спросил я.

– Только при необходимости, – ответил Элисио. – Но в последнее время весна, знаете ли. У животных тоже бывает... своё настроение. Так что кое-что отсюда доставали.

– Кто именно?

– Нянечка. Иногда одна из помощниц. Иногда я сам, если нужно что-то быстро организовать.

Я ничего не ответил. Просто двинулся вдоль стеллажа, повторяя ту же процедуру. Сначала нижний ряд. Усталость. Скука. Всё то же самое.

Середина. Внимание чуть усилилось. Эмоции слегка сместились: к усталости добавлялась лёгкая забота. Кто-то брал это с мыслью «нужно, чтобы было как лучше». Но всё равно – в пределах двух-трёх оттенков.

Я уже почти машинально продолжал движение, и вот там... жестяная банка и всплеск. Резкий, рваный букет. Страх. Паника. Вина. Я нахмурился.

– Нашли что-то интересное? – осторожно спросил Элисио, видя, что я замедлился.

Я отпустил банку и сделал вид, что просто поправляю её на полке.

– Возможно, – спокойно ответил я. – Но проверим позже.

Я прошёлся до конца комнаты, продолжая проверку, но с таким больше нигде не столкнулся.

Вот она первая зацепка. Я снова стоял на месте первой улики. Аккуратно взял её обеими руками и вынул с полки.

Снаружи банка ничем не отличалась от других: тот же объём, тот же общий дизайн. Но, если присмотреться, оттенок синего на этикетке был чуть другим – как будто её печатали на другой линии. Крышка – другой формы, пластик более матовый. Логотип и надписи отличались на полшага: тот же тип корма, но другой бренд и другая партия. Если не знать, на что смотреть, легко принять её за обычную.

– Эта банка... явно не с этого места, – сказал я. – И, похоже, вообще не из этой партии. Видите крышку и оттенок? И логика выкладки здесь нарушена.

Я говорил привычно, буднично. Сейчас мне нужно было объяснение, которое укладывалось бы в нормальный человеческий мир. Никому здесь не было нужно знать, что я отличаю банки не только по крышке и краске.

Элисио прищурился, смотря на полку.

– Да, – признал он. – Она должна была стоять чуть выше. Это другой тип корма. Странно. Я думал, мы всё уже привели в порядок.

«Вы привели, – подумал я. – А кто-то постарался нарушить ваш порядок так, чтобы это не бросалось в глаза».

Громко я сказал другое:

– Здесь есть камеры?

– В кладовой? – переспросил Элисио. – Да. Одна смотрит от двери внутрь, другая – вдоль стеллажей. Князь любит знать, что происходит со всем, за что он платит.

– Прекрасно, – кивнул я. – Тогда мне нужно попасть в комнату охраны. И заодно – поговорить с нянечкой.

Он чуть заметно поморщился.

– Это может потребовать времени, – предупредил он. – Охрана сейчас просматривает все записи, даже не связанные с Феликсом. Князь распорядился.

– Тем более, – спокойно ответил я. – Лучше я подожду там, чем буду ходить по кругу здесь.

Я ещё раз взглянул на банку. Внутренний голос тихо отметил: страх, паника, вина – три эмоции одновременно. Для рутинной раскладки корма это слишком много. Для человека, который совершает что-то рискованное и боится быть пойманным, – в самый раз.

Я не собирался делиться этим с Элисио. Вслух я добавил:

– Возьмём её с собой. Пусть охрана понимает, о чём именно речь.

Комната охраны находилась в другом крыле. По пути мы снова прошли через галерею портретов. Лица предков Карловых смотрели сверху вниз так, словно и сами готовы были устроить допрос каждому, кто пересекал их взгляд. Элисио на этот раз молчал. Я тоже. У каждого были свои мысли.

Воздух в коридорах оставался тем же – чистым, ровным, с лёгким привкусом дорогого безликого освежителя. Ни одного запаха кухни, ни намёка на бытовую жизнь. Дом жил, но старался делать вид, что живёт только парадной стороной.

У двери в комнату охраны нас встретил высокий мужчина в форме – тот же типаж, что и у входа в дом, только взгляд жёстче. На груди – эмблема рода, на плечах – знаки отличия, которые я уже научился считывать интуитивно: не просто охранник, а кто-то вроде старшего смены.

– Господин Крайонов? – уточнил он.

– Да, – кивнул я. – Мне нужно посмотреть записи с камер кладовой с кормами. И желательно за последние несколько дней.

– Это возможно, – коротко ответил он. – Но сначала нам придётся оформить бумаги. Князь не любит, когда кто-то смотрит его внутренние системы наблюдения без следа.

«Конечно, – подумал я. – У кого-то камеры для безопасности, у кого-то – для контроля. Здесь – второе».

Нас провели в небольшой кабинет рядом. Стол, два стула, шкаф с папками. Старший охранник достал заранее подготовленные бланки.

– Подпись о неразглашении, – пояснил он. – И подтверждение, что вы берёте на себя ответственность за любую информацию, которую увидите на записях. Это стандартная процедура.

Я пробежался глазами по тексту. Стандартный имперский юридический язык: много слов, смысл которых сводился к одному – «если что-то где-то всплывёт, виноватым будете вы». Меня такие бумажки не пугали.

В моей прошлой жизни это было в порядке вещей. В работе всё держалось не на честном слове, а на договорах, подписанных тройным слоем бюрократии. После нескольких сотен подписанных мной папок с грифом «Секретно», бумага о неразглашении при просмотре камер меня уже не пугала. Да и трепаться мне особо не с кем было – из друзей у меня был только Серёга.

– Есть ручка? – спросил я.

– Конечно.

Я подписал, поставил дату, получил на руки копию. Банка всё это время стояла на столе, как немой свидетель. Старший охранник пару раз бросил на неё взгляд, но вопросов не задавал – видно было, что ему уже объяснили по внутренней связи, о чём речь.

– Нянечка где? – уточнил я.

– В соседней комнате, – ответил он. – Ей сейчас задают вопросы наш специалист и представитель князя. Если вы хотите говорить с ней, это будет чуть позже. Сначала записи, потом – согласование.

– Меня устроит такой порядок, – сказал я. – Записи важнее.

Он кивнул и показал на дверь:

– Тогда пройдёт в операторскую.

Комната была набита техникой. Несколько мониторов в ряд, под каждым – пульт, клавиатуры, переключатели. На экранах мелькали разные места поместья: ворота, часть парка, какой-то коридор, небольшой зал, кусок кухни. У одной из панелей сидел парень лет двадцати пяти, с лёгкими кругами под глазами и той особой позой, в которой люди проводят слишком много времени на стуле.

– Вот, – сказал старший охранник, подводя нас. – Кладовая с кормами. Камера первая, камера вторая.

На одном экране показали вид от двери: стеллажи уходили вдаль, узкий проход, знакомая планировка. На другом – более близкий угол, захватывающий середину стеллажей.

– Мне нужно увидеть, как эта банка, – я показал на стоящую у меня в руках, – оказалась не на своём месте. Для начала – текущие сутки.

Оператор быстро ввёл команды и отмотал запись назад. Картинка побежала в обратную сторону, превращая движение людей в странный танец. Несколько раз в кадре появлялись детективы, которые успели приехать до меня. Стиль одежды у них был свободный – точно не работники поместья. Но ни один из них не подошёл к тому месту, где я нашёл улику.

Вероятнее всего, я поступил бы так же, не будь у меня дара. Уж точно – всё стоит на своих местах.

Файл видео записи уже подходил к концу. Я собирался попросить перейти к следующему файлу, когда на экране появилась она.

Девушка.

Глава 7

На экране появилась девушка.

Я сразу понял, почему оператор напрягся ещё до её появления. Он был молодым, двадцать пять лет максимум. Покрасневшие глаза, быстрые, чуть дёрганные движения. И это не напряжение профессионала – это эмоциональный фон. Личное. То, что выливается в микродрожь пальцев, в едва заметное движение плеч, в задержку дыхания.

Именно эти реакции и выдали момент.

Он, ещё до появления девушки, чуть подался вперёд, будто заранее знал, что сейчас на экране возникнет что-то важное. Его левая рука зависла над клавишей перемотки – жест человека, который готов нажать в нужную долю секунды, но пока ждёт точку. Так нервничают только тогда, когда на экране появляется тот, кто тебе не безразличен.

Значит, либо отношения, либо он очень бы этого хотел. А значит – она здесь бывает. А значит – знает расположение камер. И значит – именно поэтому она смогла зайти в кладовую так, чтобы её не поймала ни одна из двух камер.

Но она всё-таки вошла в кадр.

Я сразу отметил униформу —младший персонал. Одинаковый внешний вид, одинаковые прически, собранные в одинаковый хвост. Перфекционизм княжны.

Служанка вошла под таким углом, что камера у двери поймала только край плеча. Вторая камера, смотревшая вдоль стеллажей, увидела только затылок – голова опущена, подбородок почти касается груди. Это не случайность. Это знакомство с углами съёмки. Это маршрут, отработанный заранее.

Она прошла вдоль стеллажа лечебных кормов и скрылась в мёртвой зоне. Двигалась уверенно, слишком, для случайного захода.

Элисио наклонился ближе.

– Младшая служанка, – пробормотал он. – Но пока не скажу кто. Волосы... с таким цветом у нас человек двадцать. Пока лицо не увидим – бесполезно.

– Настолько? – уточнил я. – Они прямо действительно настолько похожи?

– Да, – тихо вздохнул он. – У нас младший персонал вообще отбирается жёстко. Госпожа не терпит визуального хаоса. Её раздражает, если одна слишком низкая, другая сутулая, третья с лишним весом. Поэтому девушек фильтруют по параметрам тела – рост, вес, объёмы – всё в пределах допуска. Разброс – три сантиметра максимум.

Он покачал головой, будто оправдываясь:

– Это не из экономии на форме. Это именно из-за перфекционизма. Ей нужно, чтобы всё было идеально. Поэтому все младшие служанки выглядят одинаково. В движениях, в фигурах, в силуэтах. Отличить можно только по лицу или оттенку волос. И то госпожа уже пару раз обсуждала с дворецким то, чтобы перекрасить всех в один цвет.

«Да, ну это уже клиника», – подумал я про себя. – «Не удивлюсь, если после этого она прикажет перекрасить розы в красный цвет и сделать всем пластическую операцию, чтобы и лица у всех были одинаковые».

Он усмехнулся:

– А вот мужчины – единственное исключение. Охранник не может быть хрупким. Официант не может быть двухметровым амбалом. Там госпожа закрывает глаза на “хаос”. Но младший женский персонал... да. Если смотреть со спины и затылка – вы их не различите.

Я едва заметил боковым зрением, как оператор снова дёрнулся. Он знал. Он знал, кто она, ещё до того, как мы это увидим.

Я убрал взгляд с экрана и сосредоточился на нём.

Наблюдать за человеком – куда полезнее, чем за записью. Пальцы. Плечи. Горло. Он нервничал и боялся за неё. Он знает, кто это.

Я заметил – она что-то несёт. До этого был сконцентрирован на охраннике, сейчас переключился больше на запись с камеры.

– Что это у неё в руках? – решил я уточнить.

Элисио чуть подался вперед.

– Это коробки, которые курьеры отставляют у ворот. Не у всех есть допуск в поместье. Поэтому мелкую тару доносит младший персонал. Для более крупных поставок в основном выдаётся пропуск.

– Получается круг подозреваемых сужается. Нужно проверить, кто вчера этим занимался. Предполагаю, у вас всё фиксируется? – я повернулся к адъютанту.

Элисио уже потянулся в карман за телефоном, но на его лице появилась задумчивость, и он остановился на полу-движении.

– Подождите, так вчера не должно было быть никаких поставок. Я как раз сегодня ознакомливался с отчетами по поставкам.

– Тогда продолжаем смотреть запись.

«Хм, становится всё интереснее», – заметил я про себя.

Девушка вернулась именно к тому месту, где я позже нашёл банку.

Встала так, что перекрыла собой весь обзор. Ни рук, ни корпуса. Только линия плеч. Двигалась слишком точно. Она прятала не только лицо – она прятала всё, что делала.

И в этот момент оператор снова чуть надавил на клавишу ускорения. Я поймал его движение раньше, чем оно случилось.

– Стоп, – резко сказал я.

Парень вздрогнул.

И здесь уже не нужно было никакой магии – тело рассказало всё само.

Плечи дёрнулись вверх, будто он попытался спрятать шею. Пальцы непроизвольно сжались в кулак, потом так же резко разжались. Глаза метнулись к двери и тут же вернулись обратно, но уже шире, чем секунду назад. Дыхание сбилось – короткий вдох, неровный выдох.

Страх. Паника. Вина.

Те же три эмоции, что я почувствовал от банки, только теперь – не через предмет, а живую, в каждом его движении. Он даже не пытался это скрыть – не умел. Всё вылезло наружу, как у человека, который заранее знает, что именно сейчас всплывёт то, что он хотел бы спрятать сильнее всего.

– Назад. Медленно. По кадру, – сказал я. – Мы ловим не её ошибку. Мы ловим ваш жест. Вы ведь знаете, где именно она оступилась.

Он покраснел до корней волос, но подчинился.

Запись пошла назад.

Шаг.

Шаг.

Шаг.

И вот – тот самый микромомент. Полсекунды, может меньше. Она подняла голову. На пару градусов. И этого было достаточно.

Элисио резко подался вперёд, накрыв монитор тенью.

– Ещё раз... стоп. Да. Это она. Это Юля.

– Кто такая Юля? – спросил я.

– Младшая служанка. Новенькая. Около месяца у нас. У неё родинка на щеке. Теперь я точно уверен, это она.

Оператор втянул голову в плечи – реакция была слишком явной. Он услышал имя. И оно для него значило слишком многое.

– Где она сейчас? – спросил я.

– Сейчас узнаем, – Элисио уже набирал номер. – Иннокентий Филиппович, добрый день. Да. Юлия, младшая. Где она сегодня? ... Угу. Северная часть кухни. Моет овощи. Понял, благодарю.

Он отключил.

– Вы слышали. – сказал он. – Занимается заготовками. Давайте посмотрим...

Он не успел договорить. Дверь распахнулась.

Вошёл высокий мужчина в форме. Лицо каменное, взгляд прямой, движения уверенные. На груди – эмблема рода. На плечах – знаки старшего.

Воздух в комнате стал плотнее.

– Что здесь происходит? – спросил он.

Оператор застыл так, как будто его поймали на месте преступления. Его эмоции почти разорвали меня волной – страх, паника, вина.

– Виталий Сергеевич, – начал Элисио, – мы нашли момент. Увидели Юлю. Хотим переключиться на...

– Стоп, – отрезал старший. – Пока не оформим расширенный доступ – никакие камеры смотреть не будете. Здесь посторонний. Регламент един для всех.

Тон ровный, сухой, без попытки продавить – но в нём была та самая жёсткость человека, который привык работать не кулаками, а правилами.

Он посмотрел на меня пристально. Не угрожающе – оценивающе. Взглядом, которым проверяют не документы, а то, **кто ты в голове**.

И было видно: он прекрасно понимает, кто я такой и зачем здесь, но хочет услышать это от меня лично. Как проверку. Не формальность – профессиональный тест. Он смотрел так, как смотрят люди, которые тоже умеют «читать» – не на моём уровне, но достаточно, чтобы понять: перед ним либо партнёр, либо проблема.

Если я сейчас дам лишнюю эмоцию – слишком резко отвечу, слишком медленно моргну, слишком уверенно усмехнусь – он отнесёт меня к опасным и закроет двери. Дальше работу можно хоронить.

Поэтому я выровнял дыхание. Прижал в голове лишние мысли.

Показал ровно то состояние, которое нужно для сотрудничества: спокойное, ясное, без вызова.

– Понимаю, – сказал я. – Полностью поддерживаю ваше решение. Меня, кстати, зовут Роман Крайонов. Что от меня требуется, чтобы я смог продолжить?

Он едва заметно кивнул. Микродвижение челюсти – «принял».

Лёгкий вдох – «ожидал именно такой реакции».

Плечи расслабились – «сработаемся».

– Виталий Сергеевич, – представился он. – Глава охраны рода. И заместитель руководителя дружины. Очень приятно. От вас требуется подписать дополнительные соглашения. Кабинет рядом.

Элисио уже открыл рот, чтобы вставить своё слово, и достал артефакт из кармана, но Виталий опередил его:

– Я вижу, что вы прошли обязательную клятву неразглашения, – он коротко кивнул на артефакт. – Но артефакт сообщит нам только о вашем разглашении, но не даст нам юридической власти над ситуацией.

Он перевёл взгляд на меня.

– Пройдёмте. Всё оформим.

Я мысленно отметил:

«Действует по закону. Значит, работать с ним можно. Это не типичные охранники из девяностых моего мира, которые сразу лезут в драку. Этот всё делает через документы. Значит, проблем с ним не будет».

Служебный вход всегда выглядел одинаково: узкий навес, аккуратная плитка, короткий коридор с рамкой и пропускной пункт для регистрации. Здесь никогда не появлялась княжна – не потому, что презирала людей, а потому, что ненавидела видеть персонал в «неподходящем виде». Формы должны быть ровными, выверенными, идеальными. А весь персонал приходил на работу в обычной одежде. Значит – отдельный вход, отдельный коридор, чтобы никто из членов княжеской семьи и их гостей даже случайно не увидел служанку в дешёвой куртке или охранника в старом свитере.

Санёк это понимал. За год работы он успел усвоить все причуды княжеского дома и уже не спорил с логикой этих правил. Всё здесь было подчинено эстетике, и нарушать её никому не позволяли.

Он стоял в очереди так же, как остальные, перед регистрацией. Тут всё занимало время: подтвердить смену, расписаться в бланке, показать пропуск, дожидаться отметки старшего, пройти быстрый досмотр. На каждого уходило от трёх до десяти минут, иногда больше, если кто-то забывал пропуск.

И именно тогда он впервые увидел её живьём.

До этого он замечал её только на камерах. Новая девчонка, неделя как в доме. Двигалась аккуратно, в меру быстро, не болталась по коридорам, лишний раз не лезла на глаза. В кадре была такой же, как все: одинаковая длина хвоста, одинаковый узел на фартуке, одинаковая походка, трудно отличимая среди сотни таких же силуэтов. Но взгляд всё равно цеплялся. Чуть дольше, чем нужно.

В тот день она стояла позади него в очереди. И он впервые услышал её голос.

– Молодой человек... простите, – тихо, почти несмело. – Можно я пройду чуть раньше? Я немного опаздываю на смену... меня будут ругать.

Он обернулся – и сердце на мгновение споткнулось.

Вот она. Та девушка. Только теперь – совсем рядом. В обычной одежде, лицо спокойное, но в глазах – тревога. Волосы убраны в небрежный хвост. Фигура аккуратная, чуть выразительнее, чем у большинства младших, но явно в пределах тех самых «требований». И глаза... живые, светлые, открытые.

Санёк кивнул сразу, даже слишком быстро.

– Да, конечно. Проходите.

Он всё равно пришёл заранее.

Она благодарно улыбнулась, чуть покраснела и прошла по очереди вперёд.

– Спасибо большое... – почти прошептала она, будто боялась, что её услышит кто-то лишний.

В этот момент он честно признал себе: да, она ему нравится. Даже если это глупо. Даже если это нельзя показывать.

Сзади кто-то хмыкнул:

– Глянь-те, на Санька, всё... пропал пацан...

– Да иди ты... – буркнул он, чувствуя, как щёки предательски нагреваются.

Санёк решил отвлечься от ситуации, вспомнив, что его ждёт Артур.

Артуру было за сорок пять, он работал по старинке и искренне ненавидел современную технику. Новые модули, обновления, цифровые карты камер – всё это загоняло его в тупик. Санёк спасал ситуацию почти всегда. И именно поэтому его сюда и затащили: через знакомого

отца, который подрабатывал садовником. Тот услышал, что в поместье нужен специалист по видео наблюдению в помощь Артуру: не боец, но толковый со знаниями техники.

До этого Санёк несколько лет впахивал в фирме по установке и обслуживанию видеонаблюдения. Знал, как тянуть кабель, как вешать камеры, как настраивать углы обзора. А за год здесь стал уже почти профессионалом именно на операторском кресле. Разобрался в схеме поместья, запомнил, где обновляли систему, где камеры смещали, а где так и забывали поправить. Знал, где обзор стягивается в один луч, а где всё равно остаётся крошечная мёртвая зона.

Не ради премий. Премиями тут не баловали. Просто работа – ровная, понятная, с зарплатой, которой хватало, чтобы помочь старым родителям и не жить на макаронах. Даже что-то получалось откладывать. К себе он был не требователен. Хотел только, чтобы дома было не стыдно смотреть отцу в глаза.

А она от него ничего не хотела. По крайней мере, так казалось.

Юля – он узнал её имя чуть позже – приходила и уходила по графику. Проходила досмотр, кивала охране, исчезала в коридорах. Иногда, уже позже, махала ему рукой, когда он сидел в операторской и одним глазом поглядывал на служебный вход. Иногда оставляла на столе маленький пакет печенья.

– Вы в прошлый раз не завтракали... я подумала... – бормотала она, ставя пакет рядом с клавиатурой.

Иногда заходила с тряпкой и ведром – убирать операторскую. Новенькие девочки сначала занимались только уборкой: коридоры, кладовые, комнаты охраны, подсобки. Пока не проверят, как они работают, к «главным комнатам» их не подпускали. Правила были жёсткими: охрана не носит мусор, не вымывает полы. У каждого – свои обязанности.

Даже если Санёк пару раз предлагал:

– Давай, я сам вынесу мусор, чего тебе таскать?

Она только мотала головой:

– Нельзя. Если старшая увидит, мне влетит. Вам тоже.

И улыбалась. Тихо, виновато. Ставила ведро в угол, протирала панели, заглядывала в мониторы.

– А эта камера куда смотрит? – спросила она однажды, как раз в тот момент, когда я наблюдал за складом еды для принца Феликса. Так мы про себя называли котёнка, принадлежащего княжне. – Дело в том, что моя сменщица в положении, и ей нежелательно поднимать тяжести, особенно вёдра с водой. Она пока не говорила старшей о том, что беременна, и я хотела бы её подменить. Только это нужно сделать так, чтобы об этом никто не узнал, – Юля улыбнулась и добавила: – У нас с ней как раз одинаковый цвет волос.

Санёк показывал. Объяснял, где какой угол, где blind spot, где лучше не задерживаться.

– Смотри, – он провёл пальцем по экрану, – вот здесь кладовая с кормами, вид от двери. Камера берёт вход, проход и половину стеллажей. Вторая висит вот тут, вдоль ряда. Если идти прямо по центру – в любом случае попадёшься. А если вот так, вдоль левого стеллажа, прижаться к стойкам и тут чуть-чуть сместиться... – он показал траекторию, —... то между двумя секторами есть узкая полоска. Не мёртвая зона совсем, но так, что с ведром и тряпкой вряд ли кто-то будет разглядывать.

– Чтобы не разглядели лицо? – уточнила она.

– Угу.

Он тогда даже не подумал, что делает что-то опасное. Девчонка переживает из-за сменщицы – ничего страшного, это можно понять. К тому же склад кормов, а не важная стратегическая зона.

И было это всего четыре дня назад.

Потом всё опять стало обычным. Она приходила в форме, он сидел за мониторами. Она иногда махала рукой. Иногда приносила печенье. Иногда отшучивалась, когда Санёк, собираясь с духом, предлагал:

– Как-нибудь, может... кофе после смены?

– У меня сейчас дома непростой период, – мягко отвечала Юля. – Как-нибудь потом. Я расскажу.

«Как-нибудь потом» всё растягивалось. И он убеждал себя, что ничего страшного. Ей и так тяжело. Главное, чтобы у неё всё наладилось. А он... подождёт.

И вот теперь – стоило Виталию Сергеевичу войти в комнату и коротко спросить: «Что здесь происходит?», как всё это разом всплыло. Служебный вход. Очередь. Её голос. Тот самый жест по экрану в кладовой с кормами. Четыре дня назад. Её лёгкий кивок. И собственное, довольное: «Вот так, между двумя камерами, тебя почти не видно».

Горло пересохло. Внутри всё стянулось тугим узлом. Руки не знали, куда себя деть. Взгляд сам собой пополз вниз, к полу, но он заставил себя смотреть в монитор. В тот самый момент, когда на записи её плечи закрывали обзор.

Он не знал, виновата ли она. Не знал, что значил тот её едва заметный подъём головы. Не знал, случайность это или нет. Не знал, просила ли она показать мёртвые зоны ради шалости, ради кого-то ещё... или только чтобы не получить выговор за подмену смены.

Он знал другое.

Именно он показал ей камеры.

Именно он объяснил, где есть мёртвые места.

Именно он провёл пальцем по экрану и сказал: «Вот здесь пройти можно аккуратно».

А значит, если она оступилась – часть вины лежит на нём.

Он сжал кулаки так, что хрустнули костяшки, и опомнился только, когда ногти впились в ладони. Выдохнул, чуть приоткрыл пальцы.

«Но я её не сдам», – подумал он.

Даже если будут давить. Даже если будут кричать и пугать. Даже если решат, что проще сломать молодого оператора, чем разбираться, кто и что на самом деле задумал.

Санёк молча смотрел на экран, а внутри тихо добавил ещё одну мысль, от которой стало только тяжелее:

«И очень надеюсь, что Юля тоже не сдаст меня».

Мы шли по знакомому маршруту – от операторской до того самого кабинета, где я уже подписывал бумажки. Минута ходьбы максимум. Но тишина между нами висела плотная, рабочая, и я решил не тянуть.

– У меня есть подозрение, – сказал я, чуть поднимая банку, которую всё это время держал в руке. – Ваш оператор... как его зовут?

– Александр, – коротко ответил глава охраны.

– Да. Так вот. Александр напрямую связан с Юлией.

Виталий Сергеевич остановился на шаг и повернул голову. Взгляд резкий, внимательный, но без выпадов.

– С чего вы это взяли?

– С его же поведения, – сказал я. – Момент, когда она показала лицо – буквально доля секунды. Но я поймал этот кадр не глазами. А по нему. По тому, как он дёрнулся. Как сглотнул. Как пальцы сжались. Как взгляд сорвался влево. Он знал этот момент заранее.

Бровь у главы охраны едва заметно пошла вверх. Не от удивления – от интереса.

Он хотел меня «раскрыть». Посмотреть, как я объясню. Что расскажу. Насколько уверен. Профессиональная привычка. Уверен, его учили примерно тому же, чему учили когда-то меня.

Но, увы, мой друг... ты выбрал не ту игру и не того соперника.

Если считать две мои жизни, мне почти пятьдесят. Умер я в тридцать семь. Здесь прожил уже больше десяти. А ему – внешне? Тридцать пять? Сорок пять? Скорее второе. Но мужчины в форме – отдельная категория. Возраст у них иногда угадывается только по паспортам. Если человек следит за собой, спорт, режим, мало морщин – диапазон легко плавает в десять лет.

Но главное не в этом.

Я всю прошлую жизнь проработал в системе, где профайлинг – не красивое слово, а инструмент. И если меня учили чему-то особенно тщательно – так это держать лицо. Показывать ровно те эмоции, которые нужны. А скрывать те, которые мешают.

ФСБ-шные инструкторы не терпели дилетантов.

– Уверены? – спросил он уже чуть иначе. Чуть глубже голосом. – Господин Крайнов.

Он специально выделил «господин». Значит, понял. Значит, догадался. Может, по фамилии, может – по манере. А может – просто умеет складывать два и два.

Не будем его разочаровывать.

– Да, уверен, – ответил я спокойно. – Я хочу стать самым известным детективом в Империи. Так что, сами понимаете, мелочи – это моя слабость.

Слова сказаны играючи, по-юношески. И я видел, как он считывает моё лицо. Как оценка в глазах меняется. И как неожиданно быстро он принимает мою эмоцию за чистую монету.

Виталий Сергеевич едва заметно кивнул.

Принял.

– Пятый-седьмой. Комната видеонаблюдения, – сказал он, прижимая палец к гарнитуре. Я даже не заметил её раньше. – Никого не выпускать. Повторяю: никого. Даже Элисио. Выполнять. Отбой.

– Меры мы примем, – добавил он уже мне. – И вовремя.

Мы подошли к двери кабинета. Он открыл её, пропуская меня внутрь.

– Начнём оформление.

Я вошёл – и увидел, как он достаёт из шкафа папку. Потом ещё одну. Потом третью.

– Да что ж вы серьёзные такие... – выдохнул я.

На стол легла четвёртая.

Он будто прочитал мои мысли:

– Не беспокойтесь. Я уже распорядился. На сегодня приём всех остальных детективов окончен. Из десяти человек, что были до вас, никто не дал даже слабой зацепки. Работать будем с вами.

Я действительно удивился.

– У вас... нет своего специалиста? Опытного? – спросил я, пока он раскладывал бланки.

– Есть, – ответил он без эмоций. – Но иногда свежий взгляд полезнее. Особенно если этот взгляд находит то, мимо чего проходят остальные.

Он коротко кивнул на банку, которую я положил на край стола.

Да. Если бы не дар, я бы тоже прошёл мимо. Кто в здравом уме начнёт различать оттенки синего на упаковках кошачьего корма? Хотя, учитывая, как у них устроен быт...

Может, здесь и такое возможно.

Он поставил передо мной очередной бланк.

– Вот это – обязательный. Вот это – сопроводительный. А это – журнал проверки. И ещё вот здесь...

– Да я ж тут умру, – пробормотал я, глядя на растущее кладбище бумаги.

Виталий поднял взгляд на секундочку – и угол его рта дрогнул. Не улыбка, но что-то рядом.

– Не волнуйтесь, господин Крайнов... Мы ускорим процесс. Бумаг много. Но без них – никак.

Я закатал рукава.

Ну что... работа есть работа.

И если для того, чтобы найти похищенного котёнка, мне нужно подписать пол-Империи – что ж, подпишу.

Глава 8

Я думал, что эти документы никогда не закончатся. Лист за листом, подпись за подписью – и чем дальше, тем сильнее меня цепляло ощущение, что здесь что-то не так.

Кабинет, кстати, тоже раздражал своей стерильностью.

Белые стены – ровные, холодные, будто их красили не кистью, а медицинским шприцем.

Флуоресцентные лампы на потолке светили слишком ярко, вызывая ощущение, что я не в княжеском доме нахожусь, а в каком-нибудь филиале налоговой. Воздух – чистый, до ненормальности чистый: ни запаха бумаги, ни пыли и вообще никаких других запахов.

Комната была вытянутая, метров пятнадцать в длину, и явно рассчитана не под одного человека.

У стены – несколько рабочих столов, расставленных строго, почти по линейке. На каждом – по компьютеру, рядом – копировальные аппараты, сканеры, стопки аккуратно уложенных папок. Видно, что помещение используется для подписания сразу нескольких договоров или для работы маленькой группы юристов.

Слева тянулись высокие стеллажи из светлого дерева: папки, корешки договоров, архивные дела, всё промаркировано и убрано так ровно, что мне даже пусто стало от мысли, сколько человек здесь поддерживает этот порядок.

Единственное, что выбивалось из общей картины, – массивный стол, за которым сидел я. Чёрный, блестящий, необъятных размеров. Идеально гладкая поверхность, на которой любая соринка смотрелась как преступление. На нём лежали лишь документы – и одна ручка. Дорогая, тяжёлая, явно родовая.

Кабинет был большим, но... безликим. Как будто создавался специально для того, чтобы человек внутри чувствовал себя маленьким и ненужным.

И это, кстати, тоже заставило меня насторожиться.

Эмоции от соприкосновений к бумаге ощущались через раз, почти в ноль, но я всё же решил напрячься и включить дар на полную, пройтись им по каждому документу внимательно. Казалось, что в этом всё есть какой-то нюанс.

Процесс был слишком требовательным для поисков котёнка. С самого начала меня смущало то, что от меня потребовали ритуал неразглашения через артефакт. Да, княжеский род, да, им важна репутация – но это всё равно лишнее.

Кот...

Даже если и украли – да, пропажа из княжеского поместья – удар по репутации. И такая информация не должна просочиться наружу. Но в этом случае могло бы быть достаточно пятидесяти тысяч за неразглашение информации. Но тут. Тут пошли дальше. Использовали артефакт, стоимостью тысяч сто–сто пятьдесят тысяч. Точный цены не знаю. Не мой уровень. Так он еще и одноразовый, который применяется всего лишь раз для одной ситуации.

Что-то тут не так.

И к тому же – мне так и не дали продолжить просматривать камеры. Хотя до этого я уже подписал все необходимые бумаги, которые не ограничивали мой доступ к видеонаблюдению. Ко всему, что относится к делу. И резко, именно в момент когда был найден подозреваемый, появился начальник охраны и всё оборвал. Формально – из-за регламента. А по факту – это только усилило мою чуйку: что-то скрывают.

Я включил дар намеренно – и силы сразу начали уходить. Когда способность срабатывает сама, её почти не чувствуешь. Но если держать её открытой специально – резерв тает. Часть я уже прожёл, когда нашёл банку. Но сейчас нужно было чтобы она работала постоянно.

Лицо Виталия Сергеевича мне было трудно считывать. Он ровный, собранный, таких сложно брать по мимике, и, к тому же будет странно, если я буду постоянно коситься на него

во время подписания документов. Но эмоции, оставленные на предметах, – другое дело. Через них я смогу прочесть его, не вызывая дополнительных подозрений.

И как я и ожидал – на одном из документов дар отозвался. Резко. Если до этого листы были почти «пустыми», как вещи, к которым давно никто не прикасался, у которых эмоции уже выветрились, то здесь фон сменился. Появилась нервозность. Очень лёгкая, но заметная. Он переживал. Хотя внешне оставался абсолютно спокойным. Такие люди и правда читаются тяжело – но здесь эмоция была.

Нерешимость. И что-то ещё, едва уловимое.

Этот документ я решил прочитать особенно внимательно.

Пока читал договор, в голове всплыло то самое первое разочарование, связанное с моим даром. Я почувствовал его примерно через два года после того, как попал в этот мир – просто прикоснувшись к мячику, с которым мы тогда играли во дворе. Да, мне приходилось притворяться ребёнком: было бы странно, если бы мальчишка вместо игр сидел дома и зубрил «Законы Империи».

После больницы меня отправили в интернат. И именно там, в первый раз, дар сработал. Я взял тот самый мяч и ощутил эмоцию... ненависти. От моего лучшего друга. Я думал, что он считает меня другом – а выходило, что ненавидит.

В тот же вечер я полез в библиотеку искать хоть что-то про магию – и охренел: магия здесь есть, а школ нет. Никаких академий, никаких институтов. Позже я понял почему: каждый аристократический род, у кого есть магия, скрывает её. Маги встречаются и среди простолюдинов – но это в основном бастарды, тех, кого в основном называют: ублюдками.

Магия существует давно наряду с родами, а привычка держать свой причиндал в штанах – так и не сформировалась. Поэтому не удивительно, что к 2025 году маги существуют и среди простолюдинов. Но их не так много, и они служат родам или напрямую империи. В этом мире вряд ли найдешь безхозного мага.

Какие-то крохи теории я смог собрать уже после того, как в шестнадцать вышел из интерната и поступил в полицейскую академию. Тогда я и узнал, что у каждого мага есть резерв, есть техники. Но мой дар работал иначе. Он не всегда требовал силы, но зато мой резерв был не особо большим.

Литературщина про «развивать способность частым использованием» на деле оказалась куда сложнее. Да, я мог включать дар по своей воле. Но отключать его... нет. Иногда хватало просто открыть дверь – и ловишь на себе чужое удовлетворение или, наоборот, такую волну отвращения, что подступает рвота. Приходилось учиться глушить эти эмоции, но выходило не всегда. Сейчас более менее справляюсь. Но иногда в общественных туалетах до сих пор приходилось блевать. Получая те эмоции, которые испытывал мужик, который был там до меня.

И вот среди этого вороха мыслей меня дёрнуло: я нашёл опечатку.

Опечатку. В документе княжеского рода.

Страшно не это – перепутанные буквы не смертельны. Страшно то, что **они вообще есть**. Такой документ должен быть вылизан юристами до состояния стерильности, перечитан десятки раз, выверен до абсурда. А тут... ошибка. Значит, готовили в спешке. Значит, документ свежий.

Дальше – больше. На четвёртой странице из шести, прямо посреди текста, а не так, как обычно описывают про мелкий шрифт в конце договора, кстати у нас в ФСБ это и придумали. Специально как раз для того, чтобы люди не искали что-то в середине страницы. Хочешь что то скрыть – положи это на самое видное место, и внуши людям то, чтобы они искали то, чего нет.

Пункт был таким:

подписывая этот договор, я соглашаюсь не только на неразглашение текущего дела, но и всех **последующих**, которые могут возникнуть между мной и родом.

Иными словами – меня аккуратно подводили к работе на этот род дальше.

Да, сто пятьдесят тысяч за котёнка – приятно. Да, ещё одно дело я бы, возможно, взял. Но включать это в договор заранее... как минимум странно.

Видно я слишком надолго об этом задумался. И это не ушло от главы охраны – он заметил задержку.

– Что-то не так? – спросил он.

– Да нет, – ответил я спокойно. – Просто немного странный пункт про последующие дела.

Он кивнул привычно-ровно:

– Обычная формальность.

Вот только эмоция дрогнула. Чуть-чуть, едва заметно.

Угол брови – на долю миллиметра.

Дыхание – короче, чем нужно.

Взгляд на секунду ушёл в сторону и вернулся слишком быстро.

Мелочь, но для таких людей это уже много. Ровные, собранные, контролируемые. Они обычно не дают утечек. А здесь – была. Нерешительность и лёгкое внутреннее сомнение, которое он попытался спрятать так же быстро, как оно появилось.

И я уловил его сразу.

Мысленно даже улыбнулся: – "Виталий Сергеевич всё-таки дал слабину. Значит, документ действительно нестандартный – и моя догадка была верной".

Я перелистнул последнюю страницу и поставил подпись.

– Вроде бы это последний, – сказал я.

– Да, это был последний документ, – подтвердил Виталий Сергеевич. – Сейчас тогда вызову охрану, чтобы они привели Юлю.

– Не-не-не. Давайте поступим по-другому. Я хочу посмотреть на неё лично. И хотел бы присутствовать при её... условном задержании.

Он едва заметно приподнял бровь и странно улыбнулся.

– Как вы пожелаете. Тогда пройдем вместе.

– Да, ведите, а то я боюсь потеряться в вашей маленькой избушке, – ответил я.

Юмор он оценил короткой улыбкой. Значит не совсем сухарь.

Мы вышли из кабинета и направились в сторону северного крыла – туда, где у них кухня. Дорога заняла гораздо дольше, чем я ожидал. Особняк оказался огромным, с коридорами, переходами, боковыми галереями. Минут десять, не меньше. Почти все двери по пути были закрыты, так что рассмотреть внутреннее убранство комнат я толком не смог – только стены, двери, развилки.

Когда добрались наконец до кухни, Виталий Сергеевич отдал короткую команду двум охранникам – встать у второго входа, на случай если она решит убежать.

Кухня оказалась настолько большой, что я сперва даже не понял, куда именно мы попали. Помещение больше напоминало не домашнюю кухню аристократического рода, а распределительный центр какого-нибудь военного училища – только чище. Огромное пространство, уходящее в глубину, широкие проходы, высокий потолок, светлые стены. И ощущение масштаба: не место, где кормят одну княжескую семью, а словно полк людей ежедневно проходит через эти столы. Вспоминая огромную террасу, все складывается в единую картину, и сразу понимаешь, что здесь часто проводят масштабные приемы и светские вечера.

Но это была не та кухня, где шипят кастрюли и пахнет жареным – сюда запахи просто не доходили. Это была зона подготовки, разделочный цех: здесь овощи чистят, мясо разделяют, рыбу проверяют на свежесть. Всё стерильно. Чистота настолько безупречная, что казалось, будто каждый сантиметр полирован каждые пять минут. Пол блестит, воздух холодный, будто проходит через фильтры высокого класса, и нет ни одной пылинки, ни запаха – ничего, кроме чистоты и металла.

Столы стояли в ряду – длинные, широкие, из толстого металла с зеркальным блеском. Ни единой царапины. Это особенно бросилось мне в глаза: такой инвентарь в работе неизбежно получает отметины, даже если аккуратно пользоваться. Но здесь... словно если кто-то хотя бы раз случайно царапнул поверхность ножом, стол сразу отправляли на свалку и заменяли новым. Такой уровень перфекционизма я видел только у людей, у которых порядок – это не привычка, а религия.

Мы зашли внутрь, и я сразу узнал девушку.

Профайлинг – штука коварная: если черта лица тебя зацепила, ты её уже не забудешь. А мне хватило одного взгляда на камере, чтобы запомнить маленькую родинку под её левым глазом. Незаметная, аккуратная – но именно она бросилась мне тогда в глаза. И сейчас я узнал её мгновенно.

Тем более что девушек с таким же оттенком волос – каштановым, – здесь было всего две. Хотя, по правде, даже если бы было десять... всё равно понял бы. На кухне стояло шесть служанок, и если поставить их спиной – не отличишь их друг от друга. Все с одинаковыми причёсками, одинаковыми формами, одинаковыми силуэтами. Психоз княжны – но, честно говоря, этот визуальный порядок смотрелся даже... местами красиво.

На секунду я поймал себя на мысли, что княжна, при всей своей клинике с перфекционизмом, вкус имеет. Чёртовски имеет. И если смотреть честно, без попыток выдать приличие за добродетель – всё это выглядело чересчур... возбуждающе. Я вообще не понимаю, как здесь мужчины работают и при этом сохраняют хоть каплю самообладания.

Одинаковость фигур тоже объяснима: у всех размер груди где-то между двойкой и тройкой, талия в пределах допуска, бедра выпуклые. Мои глаза не могли остановиться на какой-то конкретной детали. Все они были прекрасны.

Форма облегает всё так, что становится понятно – это не просто рабочая одежда, это тщательно спроектированный визуальный порядок. Юбка – чуть выше колен, чёрная, лёгкая, пушистая по краю, а сверху – белый передничек, чистая классика. Тканевые чулки – те самые, чуть выше колена, плотно облегающие ноги и обхватывающие бедро аккуратным, ровным кольцом.

Юбка при этом настолько длинная... и одновременно настолько короткая, что когда одна из девушек наклонилась к ведру, чтобы достать тряпку, видно не было ничего. Ровным счётом ничего. Но желание подсмотреть стало только сильнее – чисто рефлекторно, по-мужски. Глаза сами искали угол, которого не было.

И от всего этого я почувствовал, как где-то снизу стало... тяжеловато. Эх, давно у меня не было женщины. А сейчас – вот они, шесть одинаковых фигур, а одна из них как раз наклоняется, вторая поправляет гетру, третья поднимает со стола разделочную доску, и картинка складывается такая, что взгляд просто не хочет уходить.

Мне стало немного сложно.

Так, нужно приходить в себя. Взять дело в руки, а не смотреть туда, куда смотреть сейчас вообще неуместно.

– Юля... можно вас на секундочку, – сказал я.

И сразу увидел: паника. Чистая, мгновенная. Глаза расширились, пальцы сжали передничек так сильно, что ткань даже чуть смялась. Нога дернулась назад, юбка приподнялась буквально на пару сантиметров – и, конечно же, моё внимание снова метнулось не туда. Да что ж со мной такое...

"Читай действия, а не смотри на подол, идиот. Девушкой ты так и не обзавёлся, так что гормоны сейчас скачут, как сумасшедшие. Но не время, – подумал я у себя в голове. – А эта, светленькая, еще и улыбается мне, да и ещё так томно.. Я уже говорил, что профайлинг это зло? Я же считываю, что она хочет. Так я еще в принципе и не против... Только зачем я считываю

её намерения, если мне нужно считывать Юлю? Так, Роман, возвращаемся к подозреваемой... Симпатичной, молодой, красивой... подозреваемой..."

Юля уже делала шаг в сторону – инстинктивно, чисто животным движением «бежать», – но на том входе уже стояли охранники. Путь перекрыт. Она резко поняла это, и в её взгляде вспыхнуло бессилие: загнанный в угол человек всегда читается одинаково.

Ситуацию выровнял Виталий Сергеевич – говорю себе, что его зовут Виталий, и всё равно в голове каждый раз всплывает то Валерий, то Виктор, то ещё какая-то хрень.

С памятью никогда проблем не было, но почему то именно сейчас она подводит. Единжды увиденную родинку на лице запомнить смог, а с именем сейчас возникли трудности. Или этот передничек белый так действует на меня?

– Пройдёте. Нам нужно с вами поговорить, Юлия, – сказал он спокойным, ровным голосом.

И мы двинулись назад. Но не в кабинет, где я подписывал бумаги, – а в допросную. Да, в этом доме есть и такое помещение. Ничего удивительного, если подумать, но увидеть это своими глазами всё равно было... занятно.

Путь занял столько же, сколько и на кухню. За эти десять минут я наконец успокоил свои юношеские мозги и привёл гормоны в порядок. Хоть тело у меня и двадцатидесятилетнее, но башка-то – сорокалетняя. А если взять общий возраст, то сорок семь.

«Так, сосредоточься. После Юли надо будет поговорить с нянечкой. Что-то здесь не сходится. Чуйка ноет, что всё не так, как кажется».

Мы вошли в допросную.

И тут же я отметил первое – зеркало. То самое, двухстороннее. Банально? Да. Работает? Всегда. Что в моём мире, что в этом.

Я даже не стал делать вид, что не понял: за стеклом сидят и наблюдают.

Глава охраны произнёс:

– Давайте вы начнёте. Она при мне может замкнуться. Всё-таки я человек рода.

И вышел.

Конечно, он оставил меня не из вежливости. Он просто хотел посмотреть, как я веду допрос. И насколько я вообще чего-то стою.

Ну что ж.

По сути он сказал «вы начали – вы и закончите»... будем заканчивать.

Глава 9

– Ну что же, начнём допрос, – я сказал это вслух больше для себя, чем для неё и повернулся к Юле. – Присаживайтесь. Я правильно понимаю: вас зовут Юля?

– Да, господин... всё верно.

Она опустилась на стул осторожно, будто тот мог вот-вот сомкнуть зубы. Лёгкое дрожание пальцев, сжатые плечи, взгляд, который метался между мной и столом, – классическая растерянность. И страх. Не животный, а социальный; такой страх испытывают люди, которые уже мысленно ждут удара и пытаются стать меньше, чем есть. Нижняя губа подрагивает, колени слегка сжаты – тело уходит в защиту.

Я невольно скользнул взглядом по помещению – не для эффекта, а чтобы самому напомнить, где мы находимся.

Кабинет был стандартным для допросов: ничего лишнего, чистые стены, массивный стол, плотные светильники под потолком. Стулья – тяжёлые, металлические, с закреплёнными на ножках кольцами для фиксации цепей. Не для пыток – для порядка. Обычная страховка, чтобы особо буйных допрашиваемых можно было пристегнуть, если потребуется. Сейчас кольца просто поблёскивали полированной сталью под её ногами, никак себя не выдавая.

Я на них даже не смотрел – но Юля успела. Глаза у неё дёрнулись вниз и тут же обратно. Вот откуда этот резкий скачок паники в эмоциональном фоне.

Отлично. Значит, кабинет работает на меня.

Я сел перед ней и чуть подался вперёд, фиксируя её внимание:

– Можно узнать, почему вы меня сюда позвали? – тихо продолжила она.

Вот тут и начинается самое вкусное.

В допросах есть один приём, который любят и новички, и старики: выбить человека из привычной линии поведения. Не грубостью и не давлением – а нелогичным вопросом. Детектору лжи на такое плевать, машинка анализирует биохимию. А вот работа живого человека – это паттерны поведения, которые никто не контролирует полностью.

Когда человек врёт – он сначала строит фразу, потом примеряет её в голове.

Когда отвечает честно на бессмыслицу – мозг просто выдаёт чистую реакцию: удивление, недоумение, растерянность.

И вот эти реакции я запоминаю лучше, чем имена.

Я чуть наклонился, взглянул ей прямо в лицо и спокойно спросил:

– Юля... какого цвета апельсин?

Глаза расширились. На долю секунды.

Именно это мне и нужно было поймать.

Честная, чистая эмоция: брови вверх, губы чуть раскрылись, дыхание сорвалось, потом выровнялось – мозг ещё не понял, что происходит.

А потом она выдала:

– ...оранжевого?

И в голосе был вопрос, не утверждение.

Идеальная честная реакция.

Значит, теперь я знаю её эталон «правды»: микроослабление век, подбородок чуть вперёд, плечи расслабились на полсантиметра.

Запомнил. Буду сверять дальше.

– Отлично. Вы ответили честно. Теперь перейдём к настоящим вопросам.

Она уже не понимала, что происходит – и это было именно то состояние, которого я добивался: эмоции открыты, контроль ослаблен, защита сбита.

И теперь допрос действительно начинается.

В теории всё выглядело просто. На практике – как всегда через жопу.

В психологии, особенно оперативной, есть один нехитрый принцип: узнать, когда человек врёт, – куда сложнее, чем понять, когда он говорит правду. Это, кстати, не моя придумка. Ещё в моём прошлом мире один лысый профессор-психолог – фамилию я уже не помню, что-то из разряда Экмана или его коллег – расписал целый психотип поведения под такие случаи. Суть там была простая: ложь имеет сотни вариантов, правдивость – всего несколько базовых реакций. Поэтому и вычислять нужно не ложь, а именно чистую эмоцию правды.

Вот для этого и задаются идиотские вопросы уровня «какого цвета апельсин» или «сколько ног у слона». Да, звучит как цирк. Да, отдалённо напоминает работу детектора лжи. Но иначе – никак. Это не показатель непрофессионализма, это просто единственный способ получить эталонную реакцию, с которой потом можно сверять остальные.

Понимание поведения, считывание микродвижений, мимики, дыхания – я этим владел всегда. Это не выключается. Но когда дело доходит до допросов... там нужна точность. Если в обычной беседе я могу быть уверен в реакции человека на 80–90%, то здесь – это мизер. Мизер, который в допросе считается провалом.

Нас, в моём прошлом мире, натаскивали до состояния, когда ты должен быть уверен минимум на 95–98%. Иногда даже на все 99, когда речь идёт о серьёзных делах. Как они высчитывали эти проценты – я так до конца и не понял. Может, сами себе ввали. Но принцип я уловил чётко: если нет абсолютного эталона «правды», ты рискуешь ошибиться.

Вот поэтому сейчас я и задал Юле этот идиотский вопрос про апельсин.

Я присел напротив Юли и дал себе пару секунд тишины, чтобы выстроить тактику. Работать приходилось вслепую: ни камер, ни досье, ни нормальной вводной о человеке. Меня просто закинули в допросную и сказали: «Разбирайся». Странно, словно хотят проверить мои способности.

Хорошо. Посмотрим, что я смогу получить из наблюдений самостоятельно.

Её манера сидеть сказала много. Колени сведены, ступни подтянуты под стул, носки обращены внутрь. Плечи чуть втянуты, подбородок опущен. Ладони сцеплены в переднике, пальцы напряжены, но не до боли. Это не поза защиты – это инстинктивная попытка стать меньше, когда человек попадает под прессинговый взгляд.

Её движения и походка я отметил ещё по пути сюда. Шла коротким шагом, наступая сначала на носок, а потом переносила вес на стопу. Шаг мягкий, упругий, временами сбивался, когда она нервничала. Корпус двигался вместе с ногами, но не в едином ритме. Руки прижаты к телу, жесты аккуратные, без резких углов. Такое я видел у тех, кто в детстве занимался танцами или гимнастикой.

Макияж лёгкий. Тени нанесены тонко, без плотного перекрытия складок, тон ровный. Ничего, что может скрыть мимику или погасить эмоции. И главное – нанесён не как у тех, кто пытается «держать лицо», а как у обычной девушки, собирающейся на смену.

Маникюр тоже дал свою информацию. Ногти короткие, однотонный бюджетный лак, местами чуть стёрты края. Форма подпиленная, но явно не салонная. Техника нанесения простая, другая, чем у той девчонки, что улыбалась мне на кухне. И если у той был более плотный карамельный оттенок, салонные ногти, то у Юли – аккуратные, но экономные. Характерная деталь.

Дыхание поверхностное. Вдохи короткие, выдохи чуть срываются. Ритм сбивается всякий раз, когда она поднимает взгляд. Это чистая физиология, нервная, не контролируемая.

Из всего этого складывалась понятная картина: передо мной – обычная девушка без профессиональной подготовки. Не боец, не обученный лжец, не человек, привыкший к допросам или контролю физиологии. Процентом на восемьдесят пять – так. Остальное оставляю под вероятность собственной ошибки.

Значит, работаем по простому пути. Самому мягкому. Честные реакции – лучший полиграф.

Я откинулся на спинку стула.

– Отвечаете только «да» или «нет». Ничего больше. Быстро.

Юля кивнула. Хорошо. Эталон честной реакции у меня уже есть.

Я начал.

– Вы работаете в доме Карловых?

– Да.

Чисто. Никаких микрозажимов.

– Вы младший обслуживающий персонал?

– Да.

Плечи просели на миллиметр – расслабилась перед честным ответом.

– Работаете здесь около месяца?

– Да.

Опять честно.

– Вы знаете, где кухня?

– Да...

– Где кладовая?

– Да.

Она уже вошла в ритм. Вдох – доля секунды паузы – ответ. Поведение ровное, честное, без контроля, идеально для базовой линии.

Я дал ей буквально секунду расслабиться – ровно достаточно, чтобы ослабить внутренний контроль.

И бросил:

– Вы причастны к краже котёнка?

– Д... – вырвалось на автомате, но тут же, будто вляпавшись в собственную ошибку: – Нет! Нет, господин, я не крада! Я вообще не... я просто... я ничего такого не делала!

И вот здесь началось самое интересное – не во фразах, а в теле.

Она не «осеклась». Она сорвалась вперёд, как человек, который испугался не вопроса, а мысли, что мог оговориться. Пальцы вцепились в передник – не ради театра, а как у ребёнка, который ищет хоть что-то, за что можно зацепиться. Плечи дрогнули и чуть ушли назад – инстинктивная попытка отодвинуться от обвинения. Дыхание сбилось, коротко, резко – типичная реакция паники. Взгляд метнулся вниз – не от вины, а от ужаса, что она едва не призналась в том, чего не делала.

И главное – нет ни одного признака наигранности.

Минимально – ни один мускул не запоздал, движения не были построены логически, не было этого «пластикового» контроля дыхания, которое включают те, кого учили держать лицо.

Это была живая, честная эмоция.

Если она и врёт, то делает это так, как умеют единицы – те, кого готовят ломать людей. Но она не такая. Не тот психотип, не та биомеханика. Скорее наоборот: передо мной обычная, испуганная девчонка, которая сейчас едва не подстроилась под ритм допроса – и сама от этого охренела.

Я отметил это про себя:

Правда.

Она действительно не брала котёнка.

Тогда остаётся другой вопрос.

Я его задал сохраняя спокойный, ровный тон:

– Хорошо. Тогда объясните мне... зачем вы подменили банку? – и я кивнул в сторону той самой, лежащей у меня на столе. – Для чего вы поставили её на склад корма?

Я начал замечать, что она уходит внутрь себя, начинает замыкаться. Если сейчас дать ей полностью провалиться в это состояние – обратно её уже не вытащить. А допрос на таком фоне превращается в мучение, а не в инструмент. Значит, нужно говорить сейчас – пока она ещё держится на поверхности.

– Юля, – сказал я мягче, чем до этого. – Поймите одну вещь. Факт того, что вы подменили банку и поставили её на склад – он есть. Это зафиксировано камерами. На записи прекрасно видна ваша родинка. Здесь всё однозначно. Единственный верный шаг для вас – просто рассказать правду. Если вы не брали котёнка, значит, так и скажите.

Я перевёл дыхание и продолжил:

– Но меня сюда позвали не искать того, кто подменил корм. Меня позвали найти того, кто украл Феликса. И пока что единственный человек, который хоть как-то связан с этим делом и вёл себя странно – это вы. Я знаю, что вы не соврали, когда сказали «нет». Но мне нужно понять, что всё это значит.

Я увидел, как в её глазах что-то поменялось: страх остался, но к нему примешалось понимание – та самая эмоция, когда человек решается говорить, потому что уже загнан в угол.

– Как я могу к вам обращаться? – тихо спросила она.

– Роман.

Она кивнула – и начала.

– Господин Роман... У меня... сильно заболел кот. Сильно. И у меня почти нет денег. Я смогла одолжить немного на лекарства, антибиотики. Но ему ещё нужен был специальный корм... для мочевых каналов. Такой, который легче усваивается, мягче, чтобы ему не было больно. Поэтому... – она сглотнула, – поэтому я и пошла на это. Я украла корм. А когда получила аванс – решила подменить банку.

Я внимательно слушал, не перебивая.

– Когда я крада... банку пришлось выбросить. Я не могла вынести её целиком. Я вытаскивала корм по чуть-чуть, пряча под одеждой. Нас досматривают... поэтому банку мне пришлось выбросить. Я... правда не думала, что это кто-то заметит. Корм иногда списывают – у него срок годности быстро кончается. Кот же... Феликс... он не так часто болеет. Я не думала, что это вызовет такие проблемы. Поэтому... я и подменила.

Она говорила честно.

Абсолютно честно.

Линия её «правды» уже была у меня в голове: ритм речи, микродвижения, напряжение на вдохе, реакция глаз – всё совпадало. Ни одного признака лжи.

– Хорошо, Юля, – сказал я. – Тогда, может быть... вы что-то видели? Что-то необычное? Вы вчера были возле склада. Может, что-то показалось странным? Что-то связанное с котом?

Она заморгала, вспоминая.

– Н-нет... ничего. Правда... я вчера первый раз видела госпожу. Она... была злой. Очень злой. И шла куда-то быстро.

– Где вы её видели?

– Она выходила из комнаты Феликса.

Я это запомнил.

– Что ещё?

– Я... сегодня утром получала её одежду для стирки.

На этом месте я поднял голову.

– Одежду? Что-то заметили?

– Да... – она осторожно кивнула. – На внутренней стороне подола... был пушок Феликса.

– И? – уточнил я. – В чём странность? Она же была у кота.

– Госпожа очень... очень щепетильна к чистоте. Она ненавидит, когда одежда пачкается. Мы каждый её наряд отправляем в химчистку – каждый день. Нам даже выдали специаль-

ные перчатки... из какого-то материала... я не запомнила название... чтобы мы случайно не оставили ни затяжек, ни ворсинок. Она не позволяет нам прикасаться к вещам просто так. А здесь... – Юля чуть развела руками, – пушок прямо внутри подола. Много. Ненормально много.

И вот в этот момент меня накрыло.

Вот, что меня весь день тревожило.

Вот какой кусок не вставал в картину.

Слишком чистый дом.

Слишком много камер.

Слишком много охраны.

Слишком строгая хозяйка.

И при этом – исчез кот.

Слишком чисто для пропажи.

Я резко повернулся к зеркалу и поднял голос:

– Мне срочно нужно добраться до этого платья!

Хотя я уже все понял. Но дополнительно могу проверить. За стеклом что-то загудело, вероятно кто-то поднялся.

Я повернулся обратно к Юле:

– Спасибо. Что с вами будет – я не знаю. Может, штраф, может, выговор. Может, уволят.

Я не могу здесь вмешаться. Но одно скажу точно...

Она подняла на меня глаза.

– Вы не крали кота, Юля.

И теперь я знаю, кто это сделал.

Глава 10

Я сидел в кабинете напротив княжны. Красивая, властная женщина: ухоженная, стройная, холодная. По отдельным деталям ей можно дать лет сорок с небольшим, но выглядит она максимум на тридцать. К таким просто так не подойдёшь. Даже в прошлом мире такие женщины меня напрягали – властью, уверенностью, дисциплиной, которой от неё пахнет, как от ледяного воздуха.

Она сидела за столом – длинным, дубовым, тяжёлым. Я – напротив, в удобном кресле. Взгляд от документов она не поднимала, и от этого внутри только сильнее росла нервозность. Напряжение буквально висело в воздухе. Мне толком ничего не объяснили, но всё уже было ясно.

Пока княжна перелистывала бумаги, у моей ноги тёрся чёрный котёнок с нелепой, мимишной бабочкой. Засранец. Я посмотрел на него – и поймал себя на мысли, насколько же всё было элементарно. И как долго я сам себе мешал. Я и правда оказался сам себе злым Буратино.

Началось всё с момента, когда приехал Элисио. Я воспринял его слишком официально, слишком буквально. Он привёз дорогой артефакт, сразу перешёл к делу о неразглашении и клятве крови – и этим выбил меня из колеи. Первое дело – понятно: долгий кейс, не на час и не на день. А вот второе наоборот – ужатое по срокам. И именно там сыграли моя эйфория и юношеские гормоны. Спасибо им, блин. Они и подставили меня под первую, очень глупую и заметную ошибку.

Услышав, что камеры ничего не дали, я поверил. Вернее, не поверил – я видел его эмоции. Он не врал ни на грамм. И он вообще не тот человек, который сможет соврать мне в глаза – эмоции он не контролирует. Таких читать проще всего. Поэтому я просто... забыл про камеры.

Когда я въехал в поместье, экскурсия и весь этот масштаб тоже сбили фокус. Здесь красиво – хочешь не хочешь, отвлечёшься. А дальше я уже шёл по тем рельсам, что заранее заложили княжна Виктория Евгеньевна Карлова и начальник охраны Виталий Сергеевич. Всё работало по их плану. Я не попал в комнату охраны тогда, когда нужно, и не посмотрел записи. А когда мог – уже держал в руках первую улику, банку, которая свернула мой взгляд в другую сторону.

Эмоции Санька тоже сбили ритм. Моё умение понимать состояние человека сработало против меня: я увидел, что он нервничает – но не потому, что знает что-то, а потому что ничего не знает. А мне тогда не нужно было узнавать что-то про Юлю. Мне нужно было понять, что было вчера, в момент инцидента.

А инцидент действительно случился вчера – это сказал Виталий. И именно он оказался тем, кто всё знал и всё это спланировал вместе с княжной. Хотя... честно? Всё это на сто процентов её работа. По ней видно: женщина, которая знает, что делает.

И всё, что произошло, было проверкой. Им был нужен детектив, который не засытит ткнуть пальцем в аристократа и сказать: «Он виновен». Им был нужен человек, который не прогнётся под титулом. И я это сделал.

Вернувшись мыслями к моменту в допросной: дверь открылась, зашли Виталий Сергеевич вместе с ещё одним охранником. Юлю увели вглубь поместья, а мне задали вопрос.

– Зачем Вам платье госпожи?

Я ответил честно:

– Я знаю, кто украл котёнка, но если увижу платье, буду уверен на сто процентов.

– Позвольте уточнить тогда, – сказал Виталий Сергеевич, – вашу гипотезу. Кто?

Я посмотрел ему в глаза:

– Это сделала княжна Виктория Евгеньевна Карлова.

– Отлично., – сказал он ровно. – Вы прошли. Пройдёмте. Госпожа уже вас ожидает.

Мы двинулись дальше. По дороге Виталий Сергеевич без лишнего драматизма объяснил, что всё происходящее – заранее продуманный план по поиску детектива, который сможет распутать, в их понимании, достаточно несложное дело.

И, если честно, он был прав. Как я и заметил раньше – дело действительно несложное. Здесь сыграли роль мои собственные эмоции и моя стопроцентная, абсолютно непоколебимая уверенность в своём умении читать людей. Уверенность, которая меня же и подвела.

Поэтому всё и пошло так, как пошло.

Также он объяснил и то, что меня давно мучило: как, чёрт возьми, получилось, что они подвязали кражу банки к девушке, которая даже не знала, что её используют?

Ответ оказался до обидного простым – и от этого ещё более раздражающим.

У них многие слуги воруют. И большинство даже не понимают, что охрана всё это видит. Они отслеживают каждое такое действие. Кто тянет больше, чем нужно – того увольняют. А тех, кто берёт по мелочи, берёт то, что скоро испортится, или берёт просто чтобы не сдохнуть с голоду – таких не трогают. Бывают разные ситуации, и в доме Карловых к этому относятся спокойно. Это даже заслуживает уважения.

С Юлей произошло то же самое. Когда она украла банку – это зафиксировали. Хотя ей казалось, что она провернула всё чисто, что никто не заметил. Но, как я догадываюсь, помимо обычного уровня наблюдения есть ещё один слой. Более тонкий. Слуги о нём даже не догадываются.

И внутреннее расследование показало: девушка честная. Это было проверено при приеме на работу. В грязных делах замечена не была.

И главное – по их расчётам, цитирую дословно Виталия:

«Вероятность того, что она вернёт банку, – выше семидесяти процентов.»

Люблю, когда они используют математику в таких местах. Поэтому они и выбрали идеальный момент, чтобы выдать ей аванс. Всё пошло ровно по сценарию. Но даже если бы Юля банку не вернула – у них было ещё пару служанок, через которых можно было бы проверить ту же линию.

Чтобы в итоге найти того, кто им был нужен.

То есть – меня.

Ну вот – и нашли. Теперь я сижу и смотрю на неё. На княжну. Та самая пауза, затем лёгкий шорох бумаги – и она, наконец, откладывает документы. Вовремя: ровно в тот момент, когда я у себя в голове успел сложить всю картину.

Смотря сейчас на неё, я бы никогда не подумал, что эта женщина настолько помешана на идеальности. Хотя... по её образу это видно с первого взгляда. На ней тёмное бордовое платье, которое подчёркивает фигуру так, как надо – без намёка на вульгарность. Ни складки, ни заломы. Чистая работа. И восприятие здесь не про возбуждение или фантазии – просто эстетически красиво. Приятно глазу.

Как и весь кабинет. Всё вокруг собрано в единую композицию. Тёмные стены. Светильники выставлены так, что видно только ровный, мягкий результат, а не сам источник света. Хотя за окном день, естественный свет попадает аккуратно, не перебивая общую атмосферу. Где нужен мрак – там он есть. Где нужен мягкий полутон – он тоже есть. Дизайнеры постарались. Это классика, но не вычурная, не напыщенная – а правильная, собранная, дорогая на вкус.

– Ну что ж, Роман, – сказала она спокойно. – Приятно с вами познакомиться. Надеюсь, мы сможем найти общий язык и работать дальше. По оплате вашего первого дела – вы всё-таки разгадали нашу скрытую загадку и нашли котёнка.

Я машинально скользнул взглядом на пушистого, наглого предателя у её ног.

Ну да. Нашёл тебя. Засранец ты пушистый... но милый, ничего не скажешь.

– Вы же понимаете, что это была проверка?

– Да, конечно, госпожа.

– Лучше – Виктория Евгеньевна, – поправила она с лёгкой улыбкой. – Вы всё верно поняли. И, признаться, вы довольно быстро справились. Хотя и не уложились в тот час, который давался всем детективам, но вы – единственный, кто заметил нашу зацепку. По сути, единственную улику.

– Думаю, – сказал я, – сейчас, уже понимая картину, я вижу, что мог сделать всё быстрее.

Княжна слегка кивнула:

– Это нормально. Когда знаешь разгадку, всегда кажется, что путь мог быть короче.

Она аккуратно закрыла папку с документами и открыла ящик стола:

– Ладно. Давайте решим вопрос с оплатой. У вас есть банковский счёт? Можете оставить реквизиты при выходе – вам переведут деньги. Либо, если удобнее, я могу выдать сто пятьдесят тысяч наличными.

– Лучше наличными, – сказал я без паузы.

И в голове сразу всплыло то, чего я не хотел сейчас вспоминать. Когда я вышел из интерната, прошёл полицейскую академию – у меня был счёт в банке. Он, вроде бы, не заморожен. Но долги отца... я не знаю, перешли ли они на меня и всплывут ли, когда я активирую свой баронский статус. А проверять это переводом денег сейчас – желание так себе.

Так что наличные – самый безопасный вариант. «Чёрный нал – наше всё».

– Скрываетесь от налогов, детектив? – с лёгкой усмешкой бросила она взгляд на меня.

Я только выдохнул:

– Нет, ни в коем случае. Проблемы отцов и детей.

– Ладно, меня это не касается. – Она откинулась чуть назад. – Давайте перейдём к делу. Вы ведь понимаете, что поиск именно вас – не случайность?

Да, меня это тоже волновало.

Внутренний голос тут же поднял бровь:

"Да, конечно, мне тоже интересно – зачем такому великому княжескому роду понадобился частный детектив?"

– Всё проще, чем кажется, – продолжила она, будто отвечая на мои мысли. – Давайте объясню, что сейчас происходит в Серпухове.

Она чуть сдвинула документы в сторону.

– Как вам известно, княжеские рода в Подмосковье распределены по городам. Наш род контролирует Серпухов. В Домодедово – Боровиновы. В Чехове – Ульяновы. Бывают ситуации, когда князей не хватает, и город переходит к герцогскому роду, но Подмосковье в основном закреплено именно за князьями.

– Да, это известная информация, – сказал я.

– Так вот, – продолжила Виктория Евгеньевна, – в Серпухове появилась банда, которая терроризирует наш бизнес. Были диверсии на складах и заводах, принадлежащих роду Карловых. И всё бы ничего, но...

Очень странно, отметил я про себя.

Почему на это дело нужен частный детектив? Неужели их ресурсы не справляются?

В голове всплыли воспоминания. Полиция и в моём прошлом мире далеко не всегда рвалась лезть на организованные группы, особенно если у тех есть крыша. Классика: чем серьезнее противник, тем меньше у обычных оперов желания связываться. Но всё равно внутри зудело спросить.

– А как же полиция? – я задал логичный вопрос. – Я, конечно, понимаю, что она не всегда хочет связываться с бандами, особенно с теми, у кого есть крыша. Но вы же княжеский род, вы можете надавить. Прижать.

– С полицией мы уже прошли полный круг. Мы давили, подключали нужных людей, требовали результатов. В ответ нам приводили нескольких мелких бандитов, которые вообще

не имели отношения к настоящим нападениям. Либо купленные, либо запуганные, либо заранее подготовленные для отчёта. Это не доказательства. Это ширма. Полиция в этой истории – тупиковый инструмент. По нашей информации, за этой бандой стоит кто-то из аристократов. Мы не знаем кто: князь, граф, герцог или даже барон. Но точно – не простолюдин.

Она сложила руки на столе, взгляд стал холоднее.

– А мы, как род, отвечающий за Серпухов, обязаны наводить порядок. Но внутреннюю проверку запустить не можем. Потому что, если вдруг окажется, что в диверсиях замешан другой аристократ, и мы случайно наступим на их интересы – это будет воспринято как начало войны.

Она сделала короткую паузу:

– А в XXI веке война – это не дуэли и не мушкеты. И даже не военная техника. Это экономическая война. Давление. Выкуп акций. Выдавливание с территорий. Поэтому нам и нужны прямые, жёсткие доказательства, – спокойно добавила она. – Не слухи, не пересказ, не очередной задержанный мальчишка, а факты, с которыми можно выйти к другим родам и предъявить их официально.

Вот это уже звучит убедительно, отметил я у себя в голове.

– Поэтому нам и нужен человек со стороны, – продолжила княжна. – Тот, кто не связан с родами, не подчинён и не зависит от внутренних политических игр. Тот, кто может работать самостоятельно.

Она посмотрела на меня чуть внимательнее:

– Вы смогли разгадать простую проверку, имея лишь одну улику. Да, дело было несложным, но нам нужен именно такой человек. Однако сразу скажу: вы – не единственный. Проверки продолжаются, и мы ищем нескольких. Но тот, кто первым принесёт имя рода, который стоит за этой бандой, получит...

Она чуть наклонилась вперёд:

– ...два с половиной миллиона рублей. И дальнейшее сотрудничество с нашим родом. Потому что это далеко не единственная проблема, которую нужно решить.

Я кивнул.

– Я думаю, – сказала она, – что объяснила достаточно. Всё остальное вам передаст в документах наш глава охраны, с которым вы уже знакомы. Деньги он тоже выдаст. Я уже распорядилась.

В этот момент я поймал себя на том, что не понял, когда она это сделала. То ли я так внимательно наблюдал за её лицом, что пропустил момент, когда она воспользовалась телефоном. То ли кто-то сейчас слушает наш разговор. То ли... магия. И, если вспомнить, что это древний аристократический род – магия здесь куда вероятнее, чем кажется.

Я встал и направился к двери.

– Всего доброго, Крайонов, – сказала она.

Я уже брался за ручку, когда она вдруг окликнула меня:

– Ах да! И заберите, пожалуйста, эту гадость.

Я на секунду даже растерялся.

– Какую ещё гадость? – Проследил за её жестом... и увидел кота. – Можно вопрос перед уходом?

– Да, конечно.

– А он вам чем не угодил? – спросил я.

– У него бабочка съехала влево. Чуть-чуть. Вы что, не видите?

Я присмотрелся.

Да нет, бабочка висит ровно. И вообще – кот выглядел идеально. Особенно для своей породы. А порода у него была не простая: бомбейская – чистый чёрный, блестящая шерсть, круглые глаза. Такие стоят по двести пятьдесят – триста тысяч.

Хотя для княжеского рода это, конечно, копейки.

– Уверены, может, кому-то из вашего персонала...?

Она отмахнулась:

– Нет. Вы его нашли – вы его и забирайте. Считайте это дополнительным подарком. Можете выкинуть, можете подарить. Мне он больше не нравится. Я уже заказала другого. Чисто чёрного. Без всяких пятнышек.

– Тогда можно и мне небольшую просьбу? – спросил я, не двигаясь дальше к выходу.

– Какую ещё? – в голосе не прозвучало раздражения, скорее усталое любопытство. – Только не говорите, что хотите пересчитать гонорар.

– Не наказывайте Юлю, – сказал я. – Она свою роль в вашем плане отработала честно и, как по мне, достаточно хорошо.

Княжна чуть усмехнулась:

– Вообще-то я и не собиралась. Но вы, конечно, нагледели, Крайонов. – Она на секунду задержала на мне взгляд. – Ладно. Считайте это авансом за вашу работу. И постарайтесь меня не разочаровать.

Ну да. Логика железная.

И вот я уже сижу в машине рядом с Элисио и обдумываю всё, что произошло.

А смотреть на её лицо я смотрел не зря. Она многое не договаривала. Очень многое. Мимикой она владела мастерски. Иногда мне приходилось прям всматриваться на максимум, чтобы не упустить ни одной эмоции.

Но об этом я подумаю позже – уже когда буду изучать документы по делу, которые она мне передала.

Сто пятьдесят тысяч мне, кстати, выдал не глава охраны, а сам Элисио.

И, честно? Посмотрев на него, а потом на княжну... я не понимаю, как она могла выбрать именно вот это чудо в перьях.

И да – «перьях» было не метафорой. Его рубашка была вся усыпана разноцветным перышками. Он, по какой-то причине, успел переодеться, пока я был у княжны. Будто у него одежда меняется по времени суток – и это был его вечерний наряд.

Станный парень.

Между нами в машине теперь было расстояние.

Если первый раз рядом с ним я чувствовал напряжение, то сейчас – наоборот – спокойствие.

Мне уже не хотелось сидеть с ним вплотную. Просто... не хотелось.

Мы подъехали к моему офису – к старому кирпичному зданию, в котором находилось моё маленькое «детективное агентство».

– Всего доброго, господин Роман. Было приятно познакомиться, – сказал Элисио, чуть повернув голову. – Водитель передаст вам все документы и информацию, по вашему делу.

Только машина остановилась и мне открыли дверь, я начал вставать... и в этот момент вспомнил, что у меня на руках спит котёнок.

Тот самый котёнок.

Чёрный, с маленьким белым пятнышком в форме бабочки на шейке.

Я о нём уже успел забыть – он всю дорогу спал у меня на коленях. Паршивец даже не пытался сбежать. И сейчас, как только я пошевелился, он недовольно фыркнул, потянулся – и начал карабкаться мне по груди вверх, пока не устроился на воротнике.

Умная зараза.

Устроился так, будто так и должно быть.

Я выбрался наружу – и вовремя: водитель вывалил передо мной **три здоровенные коробки**, которые, судя по всему, и составляли весь комплект документов, материалов и прочего «подарка» от рода Карловых.

Меня буквально нагрузили ими, заставив держать всё на вытянутых руках, и я уже собирался заикнуться, что... может, помогут донести?

Но этот благодетель уже хлопнул дверцей и уехал.

Просто вжал газ и растворился за поворотом.

Ну и отлично.

Корма мне, кстати, не дали. Придётся как-то выкручиваться самому. Но ничего – теперь хоть деньги есть.

– О, Романыч, привет! – услышал я знакомый голос, потому что увидеть я никого не мог: коробки полностью перекрывали обзор. – Тебе помочь?

– О, Серёг, спасибо. Да, помоги, пожалуйста.

Он подхватил у меня две коробки, и мы вместе вошли в мой офис.

Я поставил последнюю коробку на пол, прошёл к столу, сел... и наконец-то выдохнул.

Будем считать, что **первое дело о пропаже черного котёнка завершено**.

На счету плюс сто пятьдесят тысяч рублей и один чёрный паршивец, который теперь решил жить у меня на шее.

И это был лишь старт.

Статус Крайонова:

Баланс– 151354 р

Раскрытых дел – 1

Официальный дел в работе – 1

Не официальных дел– 1

Глава 11

Я сидел за столом в своём кабинете – наконец-то один, без аристократов, охраны, проверок и чужих эмоций. И только сейчас до меня дошло: я впервые за весь день позволил себе выдохнуть. Но стоило голове немного проясниться, как в мозг врезалась новая мысль:

«Подожди... а чего я вообще расслабился? У меня теперь животинка есть. Её кормить-то надо».

И ровно в этот момент у меня на шее **заурчал живот котёнка**. Такой же звук, как у людей, когда желудок напоминает: «Жрать пора». Я даже не знал, что у котят может быть такая громкая «сирена».

– Ну понятно, – пробормотал я. – Значит, придётся идти через дорогу в бизнес-центр. Первые три этажа – торговой площади. Там есть продуктовый. Купим тебе миски и корм.

Кот, сволочь пушистая, будто понял каждое слово и начал слать мне эмоции: недовольство, презрение и очень чёткое «я хочу нормальную еду». Это не был обычный эмоциональный фон – это была почти мысль. Осознанная.

Я замер.

Мой дар всегда работал на чувствах: страх, злость, усталость, раздражение. Иногда на их границе появлялись куски мыслей, но всё равно всё держалось на эмоциональном фоне. А сейчас... кот передал мне именно мысль. Оформленную, чёткую, с характером.

К тому же это первый раз, когда я почувствовал эмоции не от предмета, а от живого существа.

Интересно.

Этот де

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.